

СМЕНА

18

1959

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Советские люди приятно изволнованы и потрясены известием о полете ракеты на Луну. Они гордятся своими учеными, инженерами, техниками, рабочими, которым удалось первыми в мире послать на Луну контейнер с научной аппаратурой и вымпелом с изображением Герба Советского Союза и тем самым завоевать приоритет нашей страны. Таким образом за нами, за Советским Союзом, прочно утвердился приоритет первого успешного полета ракеты на Луну.

Мы, конечно, понимаем, что победа наших покорителей космоса — это победа всего советского народа, это победа всего лагеря социализма. Это выдающийся вклад в развитие мировой науки, достижение мирового значения.

Н. С. ХРУЩЕВ

И Н Ж Е Н Е Р Ы

«Пусть каждый... изучив решения Пянума, подумает, как применить их в своей практической работе. Пусть каждый трудовой коллектив выработает план освоения и внедрения достижений науки, техники, автоматизации, лучшего использования производственных резервов и площадей, чтобы быстрее взять свои рубежи семилетия».

(Из Обращения ЦК КПСС к народу).

ГЕОРГИЙ ПИЧСАСОВ, РЯДОВОЙ

Про свои военные подвиги он рассказывает так любит: «Что было, то прошло...» Закурит и непременно заведет разговор о чем-нибудь другом. Но однажды не выдержал. В годовщину свадьбы, когда гости засиделись до утра, а веселые хлопцы из механического, отбоя «соловуху», смета ради припомнили разные занятые случаи из армейского быта, он подошел к шкафу, вынул из ящика вчетверо сложенную бумажку и бросил на стол. Костя Саврикин, лучший друг детства, развернул ее и громко прочел: «Егорьевский районский военный комиссариат сообщает, что Ваш сын, рядовой Георгий Ильич Пичсасов, пал смертью храбрых в октябре 1943 года при форсировании Днепра...»

Мать вскрикнула, вспомнив старое, и отвернулась к окну.

История этой «похоронной» заслуживает отдельного повествования.

...Георгий ушел на фронт, когда ему еще не исполнилось восемнадцати лет. Зачислили его в пулеметный взвод. От природы смелый и ловкий, он быстро усвоил все особенности оружия, и командир части, поглядывая, как молниеносно собирает и разбирает пулемет Георгий, дерзко вздыхал: «Сх, учиться с тебе, Жорка! Толковый инженер из тебя вышел бы...» Пичсасов краснел до корней волос, но, польщенный, отвечивал: «Учиться буду в среду, после войны...»

Осенью части подвигались к Днепру. Передрану начали под утро, после длительной артподготовки. На середине реки Георгия сбросило с паром взрывной волной. Он пылал радом, с ужасом думая, что будет, если в воду сбросит и пулемет. Бомбы падали в нескольких десятках метров. Слыша их пронизывающий до костей вой, Пичсасов нырнул голубже, и в эти моменты ледяная вода казалась ему приятной и теплой.

Задыхаясь от усталости, выбрался он на берег. Вырыл окоп голубже, установил пулемет и стал ждать приказа. Впереди, метрах в трехстах, вышки немцы, а позади — Днепр. Крошотный участок земли нужно было во что бы то ни стало удерживать до прибытия своих.

За три дня горстка бойцов отбила носемнадцать атак. Товарищи Георгия, такие же безумные юнцы, как и он, отлично сознавали, что их ждет. Они бились до последнего патрона...

Георгий остался один. Он стрелял редко, бережно расходуя боеприпасы. Два танка он поджег бутылками с горючей смесью и сам удивился, когда над машинами повалились густые клубы черного дыма. Увидел плотные цепи немецких автоматчиков, аккуратно, как на ученье, бросая гранаты, а когда в сумке осталось всего одна, и последний раз оглянулся на левый берег Днепра и швырнул ее в немецкого офицера...

Когда из плавней перестал доноситься звук пулемета Пичсасова, на левом берегу поднял, что случилось. Обо всем сообщили в штаб, а оттуда — в Егорьевский райвоенкомат. Через месяц матери Георгия вручили извещение о георгиевской смерти сына.

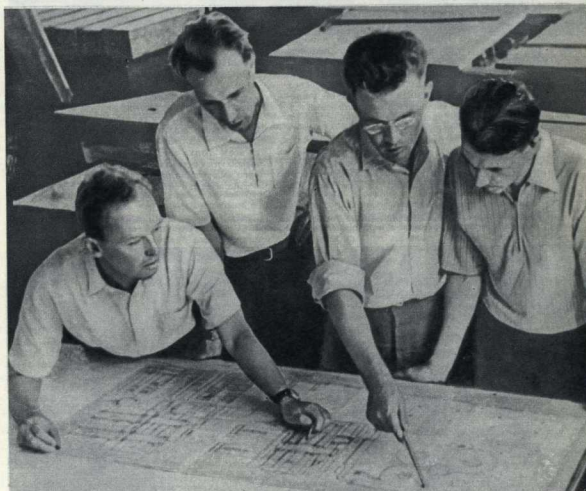
Георгия подбирали наши наступавшие части. Юноша был изранен осколками, ему оторвало ногу. Несколько недель он не приходил в сознание, перенес девять операций, а когда много позже медсестра, увидев, что парень не спит по ночам, упорно думая о чем-то, спросила: «Может, письмо домой написать?» — ответил: «Нет, не нужно. Что стариков зря расстраивать! Все равно помру...»

Но Георгий выжил. Через год его выписали из госпитала. Морозным утром он вышел во двор, жадно вдыхал седей, холодный воздух и, оглядываясь на непривычно глубокий след в снегу, оставаемый протезом, медленно зашагал к ставням.

В Егорьевск Пичсасов приехал поздно ночью. Подойдя к дому, негромко постучал. До боли знакомый голос обеспокоенно спросил: «Кто там?»

«Это я, мама!» — хрипло ответил Георгий. Вслед обеспокоенно сразу мать в комнату, он старался ступать не хромая и держать спину прямо...

Георгий поступил работать мастером в то самое ремесленное училище, которое окончил до ухода в армию. Вспомнил раз, возмрашиваясь домой, он вспоминал слова командира: «Из тебя толковый инженер выйдет!» На сле-

— «Мертвые» стации будут жить! — говорит Георгий Пичсасов.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
Сентябрь, № 15, 1959 год.

Год
издания
36-й

Фото В. Шандриня

дующий год Георгий подал заявление в вечерней машиностроительной техникум. По ночам, листая учебники, старался отвлечь себя от мучительной боли в ноге. Учился хорошо и при получении диплома был единогласно рекомендован в Московский автотехнический институт.

Пять лет учебы в столице пролетели быстро. Много книг прочел за эти годы Георгий, много узнал. Заставлял себя делать утром и вечером физзарядку, неустанно тренировал ногу.

Комиссия направила Писчасова работать в Коломну, на теплоэлектростанционный завод. Когда в отделе кадров завода появилась стройный голубоглазый молодой человек перекачавшийся под рубашкой мускулами, кто-то с завистью сказал: «Хорош!» Писчасов усмехнулся, сдал документы и, проходя по комнате, больше всего на свете желал, чтобы предельское поскрипывание протеза не выдавало его тайны.

Крепко полюбилась Георгий работа в технологическом отделе — усовершенствование станков, бесконечное их обновление. Бывает так: работает в цехе машина год, два. Кажется, что производственные возможности ее исчерпаны полностью. А потом инженеры вносят конструктивные изменения в один из ее узлов — и машина начинает жить второй жизнью... Всякий раз, обновляя станки, Георгий словно вкладывал в них частицу самого себя...

Проходя по заводским цехам и читая газеты: «Часток борется за звание бригады коммунистического труда», — Георгий с завистью думал: «Хорошо производственникам! Их продукция поддается конкретному учету, необходимому в соревновании. А как быть нам, технологом? В какой форме может проявиться коммунистический труд инженера-технолога, имеющего дело с чертежами?» Эти мысли не давали ему покоя... И вот родилось движение молодых специалистов, которое теперь известно в Коломне как соревнование за коммунистический вклад инженера-новатора в технику семилетки. Сегодня в бригадах коммунистического труда, состоящих из инженеров завода, участвует более 500 человек. Инженер технологического отдела Георгий Писчасов личным примером доказал, что каждый молодой специалист может иметь свой конкретный, поддающийся учету и обсуждению коллектива творческий план на семилетку. Руководство завода специальным приказом отменило ценную инициативу Георгия Писчасова и его товарищей.

...Все началось в феврале, во время обсуждения исторических решений XXI съезда КПСС. На собрании Георгий поделился с технологами своими мыслями. Дело в том, что

на заводском складе скопилось сотни старых станков, давно списанных с производства по разным причинам: одни изношены, другие оказались ненужными потому, что завод перешел на изготовление серийных деталей иного профиля и старые станки оказались не приспособленными к их выпуску.

— Но ведь халовая часть этих машин в полном порядке, — заявила Георгий. — Почему бы нам, инженерам, каждому в отдельности не продумать, как использовать списанные станки сегодня, как «осовременить» их и пустить в работу? Вот где подлинный простор для творческой инициативы!

Предложение Георгия поддержали инженеры Пешехонов, Сименон, Моголово, Триченко и Москаев. Каждый выбрал на складе «смертный» станок и взял обязательство превратить его в действующий. Это была замечательная попытка увеличить производительность за счет использования внутренних резервов без больших капитальных затрат.

Молодые инженеры трудились над проектами по вечерам, после рабочего дня. Работа технологов шла дружно. В трудную минуту Георгий приходил на выручку товарищам. Талантливый конструктор, он явился фактическим соавтором всех остальных проектов, хотя и работал над своим индивидуальным заданием.

Первым ввели в действие агрегат для шлифовки тонких труб. С ним пришлось много поизвещать: раньше станок предназначался для фрезерования паровозных осей, поэтому многие узлы пришлось конструировать заново. Но когда агрегат выдал первую продукцию, на заводе убедились, что слово молодых специалистов не расходится с делом. А Георгий тотчас приступил к усовершенствованию станка для обработки шеек и фланцев колесных валов. В результате производительность нового агрегата оказалась вдвое больше прежней.

Сейчас молодежь заканчивает работу над проектом автоматизированного станка обработки тракторных роликов. Для этого решили использовать пролежавшую на складе несколько лет старую станцию и силовую голюшку.

— По существу, это же проектирование совершенно нового станка, — удивлялись на заводе.

— Ничего, — смеется Георгий, — зато какой простор для творчества!

Новые машины уже сейчас дают экономию в несколько миллионов рублей. Георгий Писчасов и его товарищи взяли обязательство в этом году ввести в действие еще десять агрегатных станков, созданных на базе старого оборудования.

Таков вклад в семилетку молодых техноло-

гов Коломенского завода. И в первых рядах ударников коммунистического труда идет инженер Георгий Писчасов, инициатор которого подхватят все молодые специалисты, штурмующие рубежи семилетки.

ВЫСОКОЕ ДАВЛЕНИЕ!

— Леонид!

Майлис обернулся. Карпов и Пшибло провели подлинная воздушная Перфлова, склонившись над чертежом, дихородно подсчитывал что-то на логарифмической линейке.

— Давайте попробуем еще! — медленно выговаривал он.

Но уже три месяца, как инженеры пытаются увеличить мощность воздушной, но достичь заявленной цели не могут: из-за высокой скорости вращения ротора плавился подшипник, а от вибрации ломались лопасти... Трижды дружно в отчаянии готовы были на все махнуть рукой, но на другой день снова собрался в опытный цех и начинала сначала. Новый день принес много неудач, в всякий раз Виктор Перфлов говорил: «Попробуем еще...»

Кто-то шутил еще полагая, что не будут считать себя инженерами до тех пор, пока не увеличат производительность воздушной вдвое... А задача оказалась нелегкой. Еще в марте на собрании молодых специалистов, где обсуждалась инициатива технолога Георгия Писчасова, заместитель секретаря комсомольской организации отдела главного конструктора Леонид Майлис обратился к товарищам: «Какой же вклад в семилетку сделаем мы, конструкторы?» На собрании много не дискутировали. Все было ясно. Уже в одном комсомольском волонате проблема создания новой воздушной машины. Одна такая машина могла бы увеличить в полтора раза мощность двигателя тепловоза «ТЗ-60». Что и говорить, мечта была заманчивой! Ни в Советском Союзе, ни за рубежом еще не существовало столь мощных воздушных... И вот теперь, когда конструкторы-комсомольцы вычертили свыше трехсот листов чертежей, преодолели сотни опытов, конечная цель была так же далека, как и в самом начале пути. — Постарайтесь, — ставил себя в условие за созданием воздушной с интересом наблюдал весь коллектив, их работой заинтересовались в совхозе и научно-исследовательском институте, а результаты пока не было видно. К мучкам замолбились себя вольно: за созданием воздушной не удается поддержать инициативу технологов?»

...Поздно вечером инженеры собрались в опытный цех. Еще раз проверили все расчеты, тщательно просмотрели все эскизы и схемы. В цехе было жарко и тихо.

— Конструкция неудачна. Нужно самим это признать! — неожиданно сказал Перфлов, отходя от стола.

Открыл Америку! — резко возразил ему — это ты предлагаешь? — Конопольная конструкция не годится... Надо создать двустороннюю опору ротора. Тогда он будет устойчивей.

Эта идея давно витала где-то в ядом, только никто не решился ее высказать. Попытка ребята растерялась: ведь во всем мире использовали только консольные конструкции воздушных, и вдруг...

Словно отечная на вопросительные взгляды товарищей, Нина Тарасовская сказала: — Но ведь во всем мире нет и таких тепловозов, как наш! Значит, надо искать новые пути...

Опыт начались расчеты. Чертили по вечерам, после рабочего дня, стараясь выкроить каждую свободную минуту. Леонид Майлис забросил тренировки в бассейне, другие хлопцы перестали выступать в баскетбольных соревнованиях, но проектирование закончили в рекордно короткий срок.

Настал день испытаний. Все волновалось больше обычного.

— Включай! — сказал Перфлов, отойдя в сторону.

Майлис потянул на себя рубльчик. Сверкающие лопасти воздушной ирешительно дрогнули. «Сейчас Нина не выдержит и попортит волосы», — машинально подумал Леонид и с трудом проглотил подступивший к горлу

Десятки тысяч рублей сэкономили государству инженеры Игорь Пешехонов, Анатолий Москин, Алексей Антонов и наладчик Николай Ерохин, модернизируя узлы старых станков.

комом. Действительно, Нина Тираспольская ладью пригладила волос, хотя она были в полном порядке. Она так и застыла в этой позе, придерживая рукой прядь волос и внимательно наблюдая за сверкающим диском машины. Леонид чуть заметно улыбнулся. За многие месяцы совместной работы все они до мелочей изучили привычки друг друга.

По тому, как вздрогнула рука Нины, Леонид понял, что случилось нечто необычное. Он взглянул на приборы и увидел, что скорость вращения уже переросла критическую, а вибрация не было. Машина гудела уверенно и громко, без предельных всхлипований.

— Как подшипники? — крикнул Леонид. Перфлов показал большой палец и снова улыбнулся глазами в прибор.

— Скорость в полтора раза больше! — не веря себе, сказал Станислав Пшибло и, šťastливо улыбаясь, посмотрел на Майлса.

Несколько часов конструкторы провели в шесте, задыхаясь от жары и посылая к черту всех, кто пытался их отвлечь. Леонид так ни разу и не присел. Медленно и осторожно каждые двадцать минут он увеличивал скорость вращения. Когда она вдвое превысила прежнюю, Леонид выключил рубильник.

— Ну, вот и все!

Лодой возвращались вместе. На улице весело помаргивали фонари. Инженеры медленно шли по мостовой, с трудом подавая в себе желание помчаться бегом и во весь голос кричать встречным о том, что им удалось создать уникальную воздушную, равной которой нет во всем мире.

Сейчас в отделе главного конструктора по примеру группы комсомольцев, о которых мы рассказали, организовано сорок творческих бригад, соревнующихся за коммунистический звание новатора в технику самостройки.

Годовая экономия от реализации предложений участников бригад составит десятки миллионов рублей!

«НАЧАЛА РАБОЧИЙ, ПОТОМ ИНЖЕНЕР»

(Из письма слесаря Коломенского завода Льва Жаркова своему товарищу)

г. Ленинград,
ул. Мойка, д. 42, кв. 7,
Ефимову Николаю.

Привет, Коля!

Почему молчишь? От тебя нет писем вот уже третий месяц. Впрочем, я тоже хороше: не пишу тебе полгода. Извини, дружище! За это время в моей жизни произошло столько важных событий, что просто некогда было присесть и черкнуть письмо. Расскажу все по порядку. Во-первых, у меня родилась дочка Маришка. Девчушка просто чудесная, не хвалясь, скажу: исключительный ребенок! Конечно, есть на свете и другие красивые дети, но такой, как она, я отродясь не видел! Приезжай скорее в гости — убедимся...

Во-вторых, Коля, я пишу опешенно тебе другой, не менее важной новостью. С этого года я студент вечернего машиностроительного института. Вот на какие подвиги способен бывший матрос Левка Жарков, ныне слесарь Коломенского телефонно-радиотелеграфного завода! Так-то, Коля-Николай! Ведь нас с тобой на корабле объединяла одна страсть — машины. Ты помнишь, я тебе не раз говорил, что мечтаю пойти служить на флоте поступить в машиностроительный институт? Одно все пожелало иначе, чем я предполагал. Когда демобилизовывался, я начал работать на Коломенском заводе, то первое время совсем отчаялся: не могу сам разобраться в учебниках за среднюю школу, да и все тут! Особо тяжело подзабыл материал. Так расстроился, что и передать тебе не могу. И, главное, просвета никакого не видел... Начну снова учиться, а у самого такое ощущение, точно все это напрасно, и опять я ничего не запомню. В общем, невеселое у меня было настроение, но потом все обернулось очень здорово.

Ты наверняка ничего не слышал о почине нашей заводской молодежи, который называется «1+3». Не «1+2» (такой лозунг бросил сибиряк, стремясь подготовить «двадцать шестериков»), а именно «1+3». Это замечательный

(Окончание на стр. 11)

РАЗУМ ВОСТОРЖЕСТВУЕТ!

Митинг трудящихся Москвы во Дворце спорта, посвященный возвращению товарища Н. С. Хрущева из поездки в США.

Фото В. Кошешова и В. Савостьянова (Фотохроника ТАСС).

28 сентября в Москву из Вашингтона возвратился Никита Сергеевич Хрущев. В тот час, когда воздушный гигант «ТУ-114» появился над Внуковским аэродромом, в полуденном небе сияло солнце. Тысячи москвичей стеклись к широкому городским магистралям, чтобы сердечно приветствовать и поблагодарить главу Советского правительства за большой государственный труд во имя мира.

Не только советские люди, но и все прогрессивное человечество тринадцать дней, волнуясь, следило за ходом исторической встречи. Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева с Президентом США Д. Эйзенгауэром. Разглагольствуя эти встречи являлись совместное советско-американское комюнион. Главы правительств Советского Союза и Соединенных Штатов Америки согласились, что самым важным вопросом, который стоит перед миром в настоящее время, является вопрос о всеобщем разоружении, что все неурегулированные международные вопросы должны быть решены мирными средствами путем переговоров. Откровенный обмен мнениями способствовал выжанию позиций обеих сторон по ряду важных проблем современного международного положения, от решения которых во многом зависит отношения между народами.

Советское правительство приложило большие усилия для укрепления всеобщего мира. Выступая на антивоенном митинге трудящихся Москвы, который состоялся вскоре после прибытия товарища Н. С. Хрущева в столицу, Никита Сергеевич сказал: «Мы основываемся на своих действиях на разум, на правду, на поддержку всего народа. Кроме того, мы опираемся на наш могущественный потенциал. И пусть знают те, кто хочет сохранить состояние «холодной войны» с тем, чтобы рано или поздно превратить ее в горячую... пусть они знают, что в наше время начать войну может только безумец, который сам же погибнет и ве пламенем... Народы должны надеть на этих безумцев смерительные рубашки. Мы верим в то, что государственный ум, человеческий разум победят. Говора прекрасными словами Пушкина: «Да здравствует разум! Да скроется тьма!»

Все советские люди полностью разделяют уверенность своего правительства в торжестве человеческого разума, в окончательной победе великого дела мира. Эта уверенность выливается в мирный, созидательный труд, она слышна в могучей поступи нашей советской молодежи — это будущее, в будущее принадлежат молодежи. Если речь идет о мире — значит о молодежи... Приветствуя Никиту Сергеевича Хрущева после его возвращения на Родину, московская студентка Л. М. Селиванова сказала на митинге: «Мы всецело, когда узнаем, что есть еще на свете люди, которые утверждают, будто бы мы собираемся идти на кого-то войной; да, в самом деле, советская молодежь настроена воинственно! Мы штурмуем и будем штурмовать самые современные тайны природы, суровые льды полярных широт, звездные просторы — космоса. Огнем своих сердец мы зажигаем новые доминионы в сибирской тайге новые электростанции, заводы, города на радость и счастье людям. Вместе с новыми ракетами мы посылаем в далеком звездам нашу дерзость и мечту о будущем».

Миллионы советских юношей и девушек разделяют мысли и чувства московской студентки. Да, молодежь Советского Союза настроена воинственно, она вместе с народом объявляет войну войне! Она верит в торжество мира, в победу человеческого разума!

Наше молодое время будет временем мира и прогресса!

Семен БАБАЕВСКИЙ

Бессонница

(Глава из романа)

Наступил тот час короткой летней ночи, когда только только начинала проступать близина на востоке, а по Журавке уже на разные голоса горанили петухи; когда проснулись собаки и лаяли лениво, охрипло и еще сонно, нехотючи мычали в базах коровы; когда то в одной, то в другой хате светились окна и курчавились дымком трубы. Над улицами, еще тихими и пустынными, инкоз висела луна, бледная, точно выделенная из воска. На столбах тускло светили никому а эту пору не нужные фонари, и мелкие, как семечки, черные жучки осаждали их: то блисьо о теплое стекло и со звоном отлетали, то кружились черной метелью вокруг фонаря.

Иван Лукич стоял на крыльце своего дома. Наблюдая за ставрательной работой жучков, он покачал головой и сказал:

— Ишь, какие чертенята неугомонные! И чего, скажи, липнут, чего мельтешат? Или их каким

магнитом к столбу тянет? Надо сказать Чубу-Закамышину, чтобы не освещал Журавку в такую месячную ночь. И энергия беспелезная тратя, и жучкам одно беспокорство. Ить это же они, бедолаги, всю ноиченку так беснуются... А сколько их тут погибло!

Нарочито громко говорил о жучках, чтобы не думать об Иване. Не знал, как выбросить Ивана из головы и забыть.

— И чего это мои думки липнут к Иванову, как те жучки к огню! — опять громко, будто к кому обращающа, сказал Иван Лукич. — У жучков, может, есть причина, а у меня же ее нету!

Придя домой, Иван Лукич ощутил такую острую, колючую и странную боль в сердце, какой раньше еще никогда не знал. «Старое, вот и сердце пошаливает...» Он опустился на скамью, сунул ладонь под рубашку, прижал ее к волосистой груди и откинул голову. Обида так навалилась на него, что о сне он и ду-

мать не мог. «Так вот какое оно есть, это горе горькое,— думал он, до боли в горле запрокидывая голову.— Раньше-то я не знал, какое оно, это горе, на вкус и с чем его едят...»

Большой дом угнетал и пугал своей пустотой и ненужностью. Не всегда, а именно в эту ночь в доме почему-то так гулко отзвонились шаты и так резко были слышны звуки открываемых дверей. «Пустело, Иван Лукич, твое новое гнездо,— думал он, боясь пошевелить головой.— Да оно же и не было гнездом, не было... Пострана, воздух, а кому! Для чего и для кого? А черт его знает, для чего и для кого!»

Встал, прошел на веранду, просто так, без всякой цели. Отсюда досмотрел на крутой глиняный берег Егорлыка. И тут было пусто, и только на воде весело искрился лунный покосок. Иван Лукич засмотрелся на этот покосок и улыбнулся. И опять, не зная,

что ему делать и куда пойти, побрел на крыльцо. Снова угрюмо смотрел на спавшую Журавку, на фонарь, осажденный неугомонными жучками, и думал все о том же: «Ну, хорошо, Иван не пришел в дом, не зажег, погордился... Что ж, пускай. Сегодня не пришел, может, завтра придет... И Василий остался с ним потому, что столько времени не видела сына. Любая мать это бы сделала...» Смотрел и смотрел на него, хотел увидеть невидимую дорогу, по которой спешил домой младший сын, Алексей, а в голове все то же: Иван и жена. «Эх, Иван, Иван, по всему видно: придется нам еще лбами столкнуться, и тогда мы поглядим, у кого лоб окажется покрепче...» Иван Лукич всматривался в поблывшее, выделенное луной небо и, чтобы избавиться от навязчивых дум, стал мысленно разговаривать с Алексеем: «Ну что, Алеша, знаешь, и ты летишь до дому, до каты, торопишься. Курс наук кон-

чих, подоспел, оперился... Только куда полетит? Может, и ты, как Иван, навлихнешь на батька Обиду, выходящего из самолета, и все...»

Все так же, будто зачарованный, Иван Лукин стоял на крыльце и все смотрел и смотрел на побелевшие небо. Теперь он думал об Алексее: то встречал его, выходящего из самолета, то обнимал, то разговаривал с ним и почему-то в эту минуту видел себя молодым, таким же, как Алексей. И тогда, помнится, были вот такие же рассветы, только не так смотрел на них молодой Иван Кинга. В то лето он учился на курсах трактористов в устье Беломечетской. Там и встретил Васюту, белокурого казачка с бычьими, постоянно смущающими от избытка радосты глазами. И наконец, баяло, Ивана и Васюту рассвет застал на берегу Кубани. Вот так же искрились туманная джорджа на воде, только река казалась бурно, билась о прибрежные камни — голыши. Лодка-плоскодонка подпрыгивала и клевала туткая носом. И брызбалась на брызгалась вербы, и их ветки, тыгалье, как девичьи косы, целовали волну. Иван обнимал девушку и не замечал ни лунной степки, лямочной на бурунах, ни искристых верб, ни рассвета. На перекатах Кубань шумела протокно и травишно, и что-то этот шум говорил, о чем-то рассказывал.

«Вяня, слышишь, будет погожий рассвет? А кто тебе сказал, Васюга?» «Как кто? А перекаты. Послушай, что они там говорят...» И она смеялась, и смех ее глушил шум перекатов. Ему же не было дела до того, о чем говорили перекаты, он взял ее на руки, легкую, смущающуюся, и понес к лодке. Лодка рывком отскакивала от берега и зырпелась на быстрине. Васюте было страшно, и она впервые так доверчиво прильнула к Ивану, и голова ее закружилась. На том берегу — равнина. Лемала степь и утренней тумане. В дымке утлого горизонт, слегка подкрашенный зарей. Искрилась бахча, роса беледела и на листьях разостланной по земле ботвы и на арбузах, полонки на фрубульных ямки. И из лодки Иван унес Васютку на руках. Такую можно нести хоть на край света. Для него она была невесомая, особенно в ту минуту, когда обнимала своими слабыми руками его мускулистую шею. Иван усадил Васютку под колесо влажного от росы сена, принял арбуз, мокрый, точно вынутый из Кубани, обтер его подо лоб рубашкой...

«Ой, Ваня! У нас же и нога нету... Как же мы?» «Как? А мы его, этого красавца, кулаком, кулаком... Вот так! Погляди, это же не арбуз, а мед попалом с соевым...»

Как же недавно и как же давно это было! Да, точно, это они, Иван и Васюта, встречали за станицей те зыбкие рассветы... А может, и не они! Может, это был сон! Где они, те прежде Васюта и Иван? Значит, они и не они пересекли на лодке Кубань, они и не они, смеясь и радуясь, ели арбуз, холодный и позолоченный светом ранней зари!...

— И чего это я так сильно в думки юнунул? — громко сказал он, чтобы потривожить тишину в доме. — Разбужу Ксенино и поеду встречать Алексея. Дорога дальняя, пока доберемся...

Ксения спала во дворе под навесом. Как-то она сама, играя глазами и краснея, сказала ему об этом: «В хате душно, разве там уснешь?» — и зарылась смехом. А можно было и не смеяться. Что тут смешного? «И зачем она про то повелада мне? — думал он, неспавшая в хате. Голосовых...» Кто ее разгадает, эту шарляющую молодую? Может, на то и была своя причина... А может, так, без причины! Захотела и сказала.

Вошел в небольшой, сильно заросший бурьяном двор. Откуда-то выкатился кутенок, ткнулся мордочкой о ноги, обнюхал и, точно желая показать, куда именно нужно идти, побегал под навес. Там, в камушках, краем лемала на низких столбах, так что Иван Лукин, пробравшись вовнутрь, касался согнутыми лечами продольной суковатой балки. Лина повисла над ним, так, казалось, ее жалеть, печальный глаз нарочно заглядывал под эту серую крышу. Стежка неяркого света перекинулась через кроватку. Хорошо было видеть на белой стене, подушке неудобо запрокинутой головы Ксенин. В странном, как бы идущем из земли освещении шея и плечи, не прикрытые простынкой, были такими красивыми и непрянично белыми, что Иван Лукин испугался и невольно остановился. Коротко стриженные волосы, гладко расчесанные на лоб, полные, многого приузданные губы... «Кем же ты, Ксения, красавца, а вот и сиротствуешь одна, без мужинной ласты!» — думал Иван Лукин, глядя на спящую женщину, на ее марамонные плечи... А почему сиротствуешь? Война у тебя муженька не отняла, и слез ты по нем не проливала. Сама отказалась от него. Грубиян был, а ты без любви да без ласки жить не можешь. Сколько их, женщин, и в Журавке и по всему свету жили и зараз живут и без любви и без ласки, а ты не можешь, не из того теста слеплена... А ежели не случится полюбить, ежели та любовь, как гроза в засуху, пройдет где-то стороной, а годы убегут и красавца твоя стинет? Как это она мне сказала: «Без любви какая жизнь... ни радости, ни горя. Без любви, Иван Лукин, только дурня ложатся с мужиками... Для меня такая жизнь не годится...» А черт его знает, может, Ксения и права...

— Ксюша! Вставай!

— Ой, кто это?

— Испугалась? Не бойся, я человек мирный...

— Ой, господи, Иван Лукин! Что-нибудь случилось?

— Случилось все то же, Ксюша... Надо ехать. Подавай машину, да только поживее.

Ксенин, натягивая до подбородка простыню, села и со своим, мягкоющим глазами смотрела на Ивана Лукина.

— Отвратитесь, Иван Лукин, я однеусь.

— Зачем же мне отворачиваться? Я подожду у ворот. Только ты мигом, как солдат.

Завалинка слеплена из глины, низенькая, поклеванная дождем. Иван Лукин уселся на нее, закурил, и опять потянул, как ружье, с горы, думки. Курил и то видел Васюту на берегу Кубани, еще ту Васюту, которая была и которой уже нет; то видел ту ленту, которую лина уронила на кроватку, и шею и плечи Ксенин. Думая о Ксенин, он мысленно даже при-

поднял простыню и, все так же мысленно смеясь, сказал: «А ну, красавица, вадай ты тут все, дай-ка и на тебя взгляну...» Разве услыла, да еще так, чтобы слышала Ксенин, мог бы он это сказать? Не мог бы, конечно. А мысленно, оказывается, можно и говорить все, что думаешь, и даже отбросить простыню.

Тут, на завалинке, бывало, и раньше Иван Лукин тайно признавался себе в том, что Ксенин ему нравилась. Его и радовало и пугало то, что Ксенин нравилась все не так, как когда-то нравилась вдова Анисья, и не так, как нравилась Васюта в те далекие, давно минувшие годы... Ксения нравилась ему как-то по-особенному, так непривично и так незведанно, так всегда, как только он думал о ней, странное, еще никогда не испытанное им волнение охватывало его. «А может, я на старости лет и влюбился в свою шофершу?» — спрашивал он себя с улыбкой. — И сам не заметил, как влюбился... Да нет, какая тут может быть любовь! Молодая, собой такая слаяная, и эта ее шея, и плечи... Вот и притягивает...»

Рисунки Л. Хайлова.

По сумеречной улице, стидливо притиснувшись фары, катилась «Волга». Шураша покряхтала и будоража улежавшуюся за ночь пыль, она неслышно остановилась возле завалинки. Ксенин, позванная косинкой, выслушала над приподнятым стеклом.

— Вот и а! Быстро, Иван Лукин!

— Хвалю, молодец! — сказала Иван Лукин и сел рядком с ней, грузно, так, что миглом, податливое сиденье сильно прогнулось.

— Какой будет маршрут? — все так же весело, точно она и не слала, спросила Ксенин. — В степь!

— А на аэродром... Поедем вместе встречать.

— Алексей? Едет?

— И не один. Вместе со своим дружкой Яшей Чубом-Завальшным.

— И несомест?

— Кто ж их знает! Известно лишь то, что еду.

— Снастивый вы отец, Иван Лукин! — с грустью в голоса сказала Ксенин. — Вчера Иван вернулса, а сегодня Алексей приезжает... Это же какое счастье!

Иван Лукин курил и молчал. По-

ПОДВИГ ГЕОЛОГОВ

Фотоочерк В. САККА

О молодом геологе Александре Прусевиче и его товарищах мне рассказывали многие. Слышала я о них и в Москве, и в Сталинске, и по пути в Кия-Шальтырь — небольшой таежный поселок, где разместилась поисковая партия. То, что сделали эти геологи в таежных дебрях Кузнецкого Алатау, можно смело назвать подвигом.

Поисково-съемочные работы здесь вели и москвичи из Академии наук и ленинградцы, но сколько-нибудь ощутимых результатов достигнуть не удалось. Мысль о том, что в комплексе щелочных пород должны быть нефелиновые сиениты — ценнейшее сырье для алюминия, по-прежнему оставалась простым предположением.

Летом 1957 года, как только подошли тропы, в труднодоступный район горы Пестрой вышла поисковая партия Александра Прусевича. Преодолевая крутые косогоры и быстрые горные потоки, небольшой отряд из двенадцати человек обследовал огромный участок тайги, русла нескольких рек. Поиски оказались безуспешными. Лето близилось к концу, скоро должны были начаться дожди, которые в этих краях идут, не переставая, до самого снега. Возвращаться ни с чем геологи не хотели, однако задерживаться до зимы было рискованно: запасы продовольствия подходили к концу, а теплая одежда осталась на базе.

Прусевич решил двинуться на юг. Геологи добрались до поселка Кия-Шальтыря. Когда-то в этом поселке, расположенном на слиянии двух речушек — Кия и Шальтыря, жили старатели. Но золото давно уже выбрано, и люди ушли на но-

Вброд.

вые места. Геологов встретили два огромных медведя. Они поднялись на задние лапы и огласили тишину страшным ревом. Трудно было понять, что хотели этим выразить здевшие старожилы...

— Не унывайте, друзья, явса здесь много, само приходит, — сказал страстный охотник Виктор Агеев, глядя вслед удалявшейся медвежьей паре.

В Кия-Шальтыре отряд основал временную базу. В первый же день геологи разобрали несколько заброшенных изб и соорудили дом, сделали склад для продуктов, которых оставалось катастрофически мало.

...А утром, выйдя на улицу, геологи увидели непонятную картину: Александр Прусевич стоял у соседней полуразвалившейся хижины и со всего плеча бил молотком по каменной стене. Каждый раз, отбив кусок камня, он откладывал молоток в сторону, брал лупу и внимательно что-то рассматривал.

— Не хочешь ли ты из этой развалины высечь огонь? — спросил кто-то.

Прусевич оглянулась.

Есть о чем рассказать Александру Матвеевичу. С большим интересом слушают его молодые геологи.

А. М. Прусевич — главный геолог нефелиновой партии.

Не всегда удается сухим выйти из воды. Но гидрогеолог Алексей Комаров — человек закаленный...

Что может быть лучше печеной картошки!

До поздней ночи звучит задушевная песня.

— Идите-на сюда, — сказал он. —

Смотрите, что это, по-вашему?

В руках у него был нефелиновый сиенит. Неизвестно, когда сложили этот дом, но одно не вызвало сомнений: камень взят где-то поблизости, на берегу какого-нибудь ручья.

Находка вселила в геологов надежду. А недели через две Прусевичу удалось открыть и месторождение. Ручей, в котором обнаружили большое количество гальки с характерной пористой поверхностью, уводил к горе. На карте она была обозначена высотой 1017, и геологи назвали ее «Нефелиновой».

Начался сентябрь. Беспредварно шли дожди. Нужно было окопировать тело месторождения до первого снега. Понсковская партия разбилась на три отряда. Жили на месте работ, в палатках, чтобы не тратить времени на дорогу до базы.

Шурфы рили через каждые сто метров. Первые же пробы показали очень высокие содержание нефелина.

Стало совершенно очевидно, что придется зимовать. Геологи свазались по радио с основной базой и начали строить аэродром. Это был единственный шанс на доставку одежды и продовольствия.

Но первый самолет оказался и последним: повалил густой мокрый снег, и полеты стали невозможными.

Суровая сибирская зима не сломила воли геологов. Работы не прекращались... А весной прибыли трактора, приехали бурьиллики, взрывники, механизаторы.

...И вот мы беседуем с Александром Прусевичем, главным

геологом партии, в поселке Кия-Шалтырь.

Прусевич показывает мне небольшую образец.

— Это и есть нефелиновый сиенит, — говорит он. — Очень похож на обычный гранит. Еще совсем недавно основным сырьем для получения алюминия считались бокситы. В большинстве случаев их надо обогащать — удалять из сырья пустую породу. А нефелин избавляет от необходимости строить дорогостоящие обогащательные фабрики. Но это еще не все... При его переработке не остается веществ, которые не могли бы быть использованы в промышленности или строительстве.

Кия-Шалтырское месторождение уникальное. На базе этого месторождения строится комбинат, который к концу семилетки даст первый глинозем.

Строительство рудников и комбината, наличие огромной энергетической базы выдвигают этот район в число важных промышленных.

Наша беседа затягивается до поздна. Я слушаю рассказ геолога и не могу не удивляться. Одинадцать месяцев — срок сравнительно небольшой, но за это время было не только открыто месторождение: в труднейших условиях, зимой горстка людей подготовила его к сдаче для промышленного использования!

— Приезжайте годика через три, не узнаете Кия-Шалтырь, — говорит Александр Прусевич.

Да, скоро сюда на смену геологам придут строители. И в сибирской тайге, там, где сейчас стоят бурьилные вышки, поднимется еще один гигант семилетки.

Не легко доставить колонные трубы к месту работы.

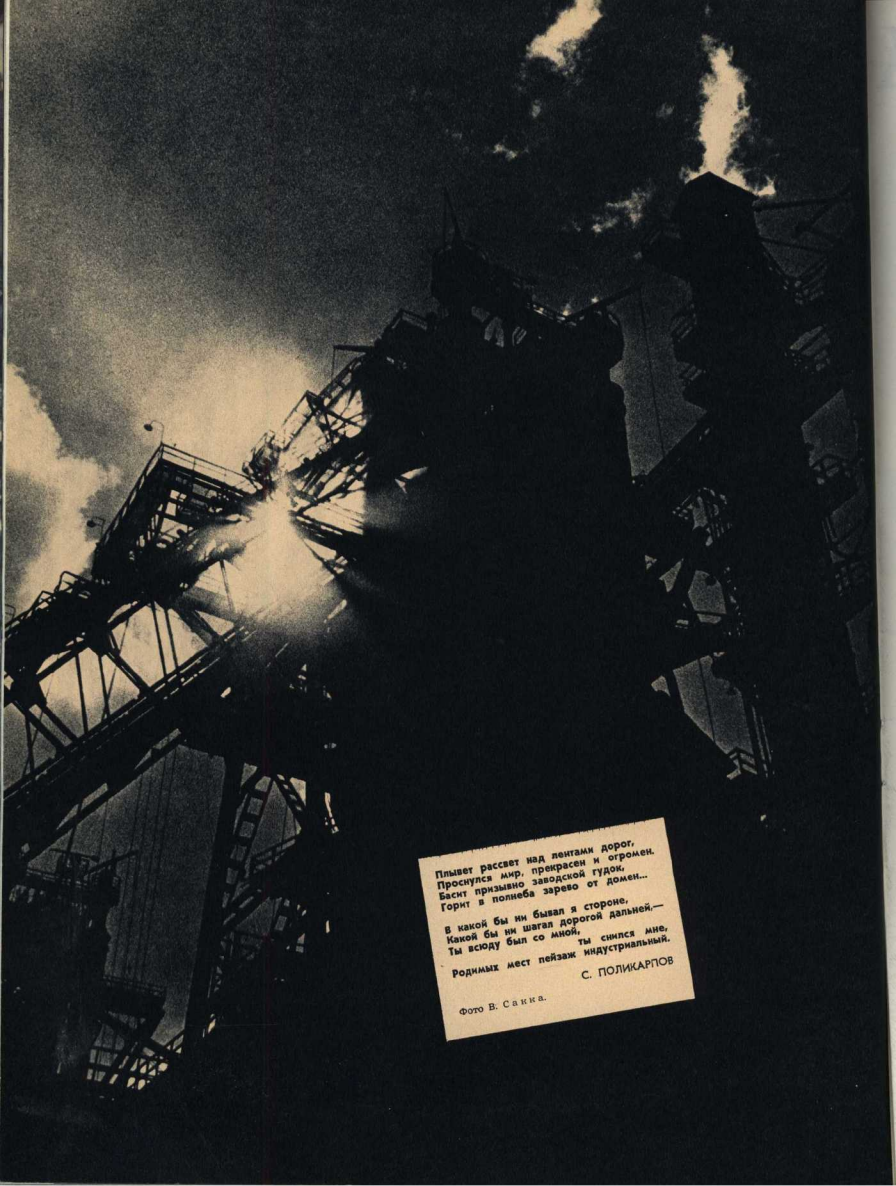

Нефелин найден! Молодые геологи тщательно обследуют месторождение.

Еще одна буровая в тайге... Мастер Бударис Хамитов заканчивает монтаж вышки.

Образцы руды вывозят самолетом.

Плывет рассвет над лентами дорол,
Прислулся мир, прекрасен и огромен.
Басит призывно заводской гудок,
Горит в полнеба зарево от домен...

В какой бы ни бывал я стороне,
Какой бы ни шагал дорогой дальней,—
Ты всюду был со мной, ты сился мне,
Родимых мест пейзаж индустриальный.

С. ПОЛИКАРПОВ

Фото В. Сапка.

«Я стихами, что идут от сердца, как умею, так и говорю...»

АВТОГРАФИЧНЫЙ АРХИВ

Олег СЕАКОВ,
монтажник

Сталь

Она поковкой черной — не деталю —
Заправлена в станок моей рукой.
Устало охнув,
камень шлифовальный
Прижался к ней шершавой щекой.
И в жизни так. Вначале ты
поковка,
Но в будущем ты — поковка,
нужная деталь,
Когда пройдешь обточку и шпифровку,—
Блеснешь,
как полированная сталь.

г. Троицк,
Челябинской обл.

Борис ПУЦИЛЛО,
геолог

Таежными тропами

Тропинки по ершику еле пробита.
Следы от копыт убегают назад.
А там, впереди, на суглинке размытом,
Валенки да прелевые иглы лежат.
А там голосистые бьются кизюбри,
И плавно качаются кедров стволы.
И падают капли из старых зазубрин,
Тяжелые, желтые капли смолы.
Там гложет лишайник гранитные плиты,
Там тропы исчезнут, людей замаят...
Но там, впереди, целый мир неоткрытый,
Он громок и тих, он торопит меня
Вступить на валенки нетроганный,
хрупкий,
Прикрывший, быть может, прожники
руды,
На звонких деревьях поставить зарубки.
На рыжем суглинке оставить следы.

г. Москва.

Иван СЕННИКОВ,
монтер

Железный очерк

В руках не ручка-самописка,
А инструмент совсем другой.
Держатель взяв, нагнулся низко
Электросварщик молодой.
Вот на затылок шит слезлину он,
Сменил сгоревший электрод,
И снова зарево вспоролно,
Он строчку новую ведет.
И голубые паутинки
В колечки валяются у щитка,
И сыплется искры на болячки
Фонтаном яркая дуга—
Он написал железный очерк
Своим сверкающим пером,
И уж не вырубит тех строчек,
Как говорится, топором!

Кузнец

Вот к горну встал кузнец бымалый.
Ладноно потерев ладонь,
Кусок холодного металла
Клепачем затолкнул в огонь.
И с озорной ухмылкой влажной
Сгучал, кричал ударам в такт:

Редакция «Смена» ежедневно получает много писем со стихами из разных концов страны. Пишут молодые сталевары, строители, шахтеры. Источники вдохновения для них — труд, деловой пишу страну еще прекрасной. И пусть порой стихи написаны неуменно, но они идут от сердца. Некоторые из присланных стихотворений публикуются на этой странице.

Вприплюску, ввытяжку, внакладку
Упрямо бил —

вот так, вот так!
Железо жалось и звенело,
Шмырало искр немая злость,
Удало в воду, зашипело,
Вдохнуло глухо — и сдалось!

г. Новосибирск.

Адольф ЧЕРНЕВСКИЙ,
рентгенотехник

Первый эшелон

Сменил паровоз на трактор,
По незрелой земле, без рельс.
Прошел Суеткинским трактом
Поезд в неслыханный рейс...
Я видел то трудное шествие,
Строителей юные полки,
О мужестве и о чести их
Не голос, а сердце поет,
О тех, кто ютились в теплушках,
Где не было воле тепла,
Полено — вместо подушки,
Подушка — вместо стены.
Они не роптали, а с песней
Шли штурмом на горы и лес
Затем, чтоб по новым рельсам
Промчался сибирский экспресс.
пос. Суетики,
Иркутской обл.

Владимир ВОРОБЬЕВ,
комсомольский работник

Пограничник

Разливается зорья в просторах пожаром.
Сопки дальние в розовой мгле...
Разве может быть кто-то усталым и старым
В этот утренний час на земле!
Промывается край, и суровый и амилый,
Человек по тропинке идет.
Этот край столько лет неустанно хранил он
От врагов и от всяких звезд.
У него здесь, среди сопки, в местах
отдаленных.
Юность, молодость быстро прошли.
Только жил он не зря в небольших
гарнизонах,
На заставе родимой земли.
Пусть нелегкая доля солдатская эта —
Жить всегда в ожиданье тревог,
Но зато сколько жизней, и счастья,
и света

Он от черной руки уберег.
Он идет, а тропинка рососо сверкает,
И ликует от счастья душа,
И все кажется, юность навстречу шагает,
Над рекою кустам шумша.

г. Петропавловск-Камчатский.

Нина ЧЕРНЕЦ,
студентка

О счастье

Нам вздыхать о счастье, друг, не надо:
Сколько же его — лишь приглядись —
Не за тридевять земель, а рядом,
Потому, что это счастье — жизнь!

Зеленеть от новых всходов пашням,
Литься свету, радости звенеть;
Просто невозможно в жизни нашей,
Невозможно просто не запеть!

Хоть бродить люблю я до рассвета,
Удивляясь звездам и росе,—
Все же родился я поэтом,
Просто — человеком, как и все.

Но про все, что дорого мне с детства,
Про людей, про светлую зарю
Я стихами, что идут от сердца,
Как умею, так и говорю.

г. Пермь.

Сергей ЛИСИЦКИЙ,
электрик

Здесь варят солнце сталевары

За окнами январский вечер,
А в чехе адская жара.
В ковше огромном плавка светит
Здесь ярче, чем прожектора...

Здесь варят солнце сталевары.
И кузнецы куют зарю...
Плуют звенящие удары
Назло седому январю.

И как понятно мне все это,
Жара и шум... —

на лицах пот...
Как будто здесь в разгаре лето —
Пора уборочных работ.

г. Кузнецво,
Московской обл.

Виталий ФРОЛОВ,
военнослужащий

Стихи о погоде

Когда-то дотошный, как все мальчуганы,
Пытался найти я ответ на вопрос:
Откуда берутся дожди и туманы!
Кто делает ветер, жару и мороз!
Во всем разобрался лишь в зрелые годы.
И истину я научил назубок:
Нам запад приносит плохую погоду,
А солнца лучи посылает восток.

Простор атмосферы облетан, изучен,
Ракеты все дальше уходят в зенит...
Народ научился рассуждать туш,
А завтра и климат себе подчинит.

г. Архангельск.

ИВАН КАЩЕЕВ,

ударник коммунистического труда

— Случившись с Федором Аршиновым, о котором рассказана «Смена», не единичный факт. У нас многие еще не умеют сочитать личные интересы с общественными. Это понятно: веками люди привыкли думать в первую очередь о собственном благе, и лишь отчасти заботиться за все человечество. Не случайно, видно, были сложены пословицы «Своя рубашка ближе к телу» и «Моя хата с краю». .. Может, когда-то они и были верными, а сейчас вредные это пословицы, чужды нам!

Мы, фарфористы, создаем вещи, которые украшают жизнь людей. Правда, не все, что мы делаем, по-настоящему украшает, есть изделия, сделанные прямо, безуклюжие... За безуклюжие тоже платят, и хорошо платят, выгодная вроде эта работа, хотя эстетического удовольствия она не приносит. Вот кое-кто и предпочитает эту «выгоду».

Так что все лучше, правильнее: браться за «выгодную» работу, порцию услуг потребителя, или протестовать? Вот подумаю: ведь завод-то наш, родной! Марка дулевская!

Нет, по-моему, нельзя нам жить по «выгоде» да по пощивцу («Своя рубашка ближе к телу»). Жить и работать по-коммунистически — это чувствовать личную ответственность за все, что делаешь ты сам, что делают твои товарищи, за все окружающее. Надо всегда быть заинтересованным во всей нашей жизни!

ПЕТР КУЛЮБОВ,

старейший рабочий завода

— Мне вспоминается 1920 год: голод, разруха, гражданская война. Вы это только по книжкам да кинофильмам знаете... И вот посылают меня в Москву на III съезд комсомола. Рассказывать, как добирался, рассказывать долго... Наконеч в зале, битком набитом молодежью. Кто в армяне, кто в латках, крест-накрест пузатые, метными лентами опоясанные. Отговсюду прибыл народ. И вдруг появляется Владимир Ильич. Мы ожидали, что он нам станет говорить о том, как добить интервенцию, а он вместо этого сказал, что нам, молодежи, надо учиться, подниматься и вершинам культуры, чтобы управлять нашим Советским государством. И несколько раз повторил, что надо учиться и учиться. И в чьему об этом вспомнил здесь? Ведь какие трудности были, а Ленин еще тогда наметил для молодежи самое главное. Сейчас у нас созданы все условия для учебы. Есть в городе и техникум и вечерние школы — только учиться, набираясь знаний!

Думается, что придет Ильича сегодня приобретает особое значение. Без знаний, без внутренней культуры невозможно строить коммунизм, кем бы и где бы вы ни работали...

Каким должен быть человек нового, коммунистического общества? Этот вопрос заставляет нас думать не только о завтрашнем дне, но и внимательно присматриваться к сегодняшнему. Вот поочередно «Дружину три товарища» опубликованный в нашем читальном отделе. Редакция получает большое количество писем, часть из них мы постоянно публикуем. Получаем мы также сообщения и о том, что там, поднята на страницах журнала, обсуждается на номосольских собраниях, общественных диспутах. Сегодня мы публикуем несколько выступлений участников открытого диспута, проведенного молодыми рабочими Дулевского фарфорового завода (Московская область).

МАРИЯ КЛИМОВА,

член бригады коммунистического труда

По-моему, жить по-коммунистически значит, кроме всего прочего, быть принципиальным и чутким к товарищу, верным, настоящим другом.

И думаю, что в нашем коллективе уже зарождается то, что будет характерным для человека коммунистического завтра.

Вот, например, нас как-то направили на соседний участок по-товарищам. Работа была непривычная, мы вдвое потеряли в заработке, но никто и не подумал жаловаться или отказываться.

Мне кажется, что именно такие качества, как постоянная готовность вовремя прийти на помощь своим товарищам, выругать их, поддержать в трудный момент, чуткое, внимательное отношение к людям — именно эти качества надо воспитывать в себе.

Мы идем в большой бой, в бой за коммунизм, а в бою, как я слышала, чтобы победить, надо чувствовать локоть товарища, быть уверенным в соседе и ему не давать повода сомневаться в тебе.

ВЛАДИМИР ГОЛКОВ,

рабочий формовочного цеха

— Хотя один писатель и пытался опровергнуть последнее слово «Один в поле не воин», мне думается, что народ, сложивший ее, был прав. Это очень плохо, когда человек остается один, как, скажем, Федор Аршинов, герой очерка «Дружина три товарища...». А ведь мы порой все-таки еще очень одиноки. Нет, не семья, и радости у нас одни, и горе общее, и радость на всех поровну делится. А вот в нерабочее время мы часто залезаем каждый в свою راковину, в свои собственные интересы и интересы. И именно от этого человек как-то тускнеет... Тут и объявительница начинает голову поднимать и всякие прочие, как их называют, пережитки прощолго.

По-моему, надо еще больше окинуть работу среди молодежи в свободное время, прививать вкус к общему отдыху, совместно проводить вечера... Над этим вопросом следует подумать!

ГАЛИНА КУДРЯШОВА,

работница тоннельного цеха

— Может, я скажу немного неоправданно, и то, что вы услышите, не совсем отнесется к теме диспута. Но я все равно скажу. Наша бригада борется за звание коллектива коммунистическ о г о труда. Как было хорошо. А на самом деле бригады нет. Она распалась. Те девушки, которые сперва отличались от остальных от поручений, не приспосаблились к производству. На субботах, в школу рабочей молодежи или в техникум их не затащили. Понятно, что дружной семьи у нас не получилось, а это сказало на работе. Посмотрел, посмотрел наш начальник на такое дело и решил, что только половину людей из нашей бригады перевести на другой участок, и тогда работа снова пойдет хорошо, опять получится, мол, бригада коммунистического труда. Да нет же, не получается так, никогда не получится. Здесь один расчерком пера ничего не добьешься. Да и правильно ли это будет, если мы начнем подбирать в состав коммунистических бригад только лучших? А остальные как? Сами по себе, да? Взять и сказать им им, дескать, пока не доросли до того, чтобы бороться за высокое звание, подождите еще год — другой. Нет! По-моему, лишь когда все члены бригады поймут, что нужно не только отлично работать, но и учиться, воспитывать в себе чувство товарищества, принципиальность, честность, повышать свой культурный уровень, тогда это и будет коллектив коммунистического труда, люди коммунистической жизни.

Один в поле не воин, Ленин, Феликс Эдмундовича Джержинского и других замечательных коммунистов. Так пусть же эти образы служат каждому из нас примером в повседневной жизни.

ИВАН ГОРЗИН,

рабочий

— Когда думаешь о нашем завтра, начинаешь фантазировать и прикидываешь, как будут люди работать, учиться, любить, дружить? Останутся ли тогда объявители, жулики, карьеристы, хитрецы? Помните, в парсе Маяковского «Ваня» появляется Фосфорическая женщина, человек из завтрашнего дня, и начинает отбирать людей в будущее, в коммунизм? Она, помянутой, говорит, что будуче примет наследство, у которого есть хотя бы одна черта, роднящая его с коллективом.

Мы не знаем, как будет выглядеть человек будущего, но, мне кажется, отбор современных для коммунистического общества идет уже сейчас. Причем условия, которые предъявляет Фосфорическая женщина, для нас сегодня уже не подходят, у нас более строгие требования: нам надо воспитывать в себе уже все лучшие человеческие качества. Я думаю, человек завтрашнего дня должен во многом походить на Владимира Ильича, Ленина, Феликса Эдмундовича Джержинского и других замечательных коммунистов. Так пусть же эти образы служат каждому из нас примером в повседневной жизни.

НАЕТАСЯ СЕГОДНЯ

Нет, не о Федоре Аршинове мечтал мой друг!

Ю. РУБЧАК,
член КПСС с 1919 года, главный инженер
завода «Моссельмаш»

Больно тревожить память об этом человеке: слишком он мне дорог. Но я сделаю это ради большого и нужного затвора, который задела редакция журнала «Смена» со своими читателями.

В нашем отряде он появился в декабре 1947 года, веселый, очаровательный, готовый, как любил он говорить, «для мировой революции идти в огонь и в воду». Петра Павловского сразу полюбили красногвардейцы.

Однажды Павловского послали в газетку. Командир приказал вернуться через три часа. Наступил срок возвращения, а его все нет. Парень он был исполнительный, точный, и если не сумел обещать за три часа, подумал бы, значит, что-то случилось... И вот со стороны белогвардейцев показался бронированный паровоз. Мы заехали. Но огни открывать так и не пришлось: из паровоза вышли три белогвардейца с автоматами, ружьями, а следом за ними Павловский.

Он подошел к командиру и коротко доложил:

— Задание выполнено! — И, кивнув в сторону паровоза, добавил: — Прихватил с собой. Пригодится.

Оказалось, что на станции, занятой белогвардейцами, наш разведчик попал в руки врага. Его стали допрашивать, избивали, хотели расстрелять, а затем послали на паровоз бронепоезда, чтобы отправить в штаб. По дороге Павловский перешел о металлический крюк веревку, которой были связаны, и вылез из одного из солдат гранаты и заставил белогвардейцев повернуть назад, к поезду.

Вот какой он был, мой друг Петр Павловский!

В одном из боев Петра смертельно ранили. Он знал, что не выживет, но все себя мужественно. Перед смертью он сказал:

— Завтра будут жить люди лет через двадцать. И какие это будут люди!

Нет, не о Федоре Аршинове мечтал он! Людей, подобных Федору, в то время было даже больше, чем сейчас. Правда, жили они в других

условиях, говорили по-иному, но душа у них была такая же, как у Аршинова. А мой друг мечтал о человеке с горячим сердцем и чистой совестью, для которого общественные интересы выше личных. О человеке, который будет работать и жить по-коммунистически.

Эта мечта стала явью: есть у нас такие люди! Немало их и на нашем заводе. И вот о некоторых из них я и хочу рассказать моим юным друзьям, читателям «Смены».

Недавно вместе с одним рабочим завода мы обсуждали механизацию трудоемких операций. Неожиданно дьерь распухли, и в кабинет вошел молодой мастер Анатолий Игнатиков. Он на минуту смутился, потом решительно подошел к столу и начал говорить быстро, горячо, взволнованно.

Речь шла о стойках вентилятора. Эти детали весом до 100 килограммов изготавливались методом отливки, вручну. Не говоря о перерасходе чугуна, операция доставляла рабочим много хлопот, требовала больших физических усилий.

Игнатиков предложил делать стойки сварными. Такой вариант сулил огромные выгоды (экономию полутора миллиона рублей), а главное, значительное облегчение труда рабочих. Мастер не спал ночью, обдумывая это предложение, а ему, оказывается, не давали возможности высказать его в производстве. И вот он требовал — не просил, а требовал! — чтобы я ему помог.

Я пообещал разобраться в тот же день.

Когда мастер ушел, мой собеседник развел руками:

— Черт те что! Велел, как чужой, обучать... Можно подумать, что это ему самому миллионы принесет. Чужак человек!

Я хорошо знал своего собеседника и не стал переубеждать его: это было бы пустой тратой времени.

А спустя несколько дней молодой мастер испытал новый метод. Он стоял в кругу товарищей, немного осунувшись, бледный. Везде где его можно было прочесть тревожный вопрос: «Даestas или нет?»

Подвели заготовки. Сварил стойку, пропирал ее прочностью, установил все. Прочность была отличной, а вес — сорок килограммов. «Как перышко!» — восхищались ребята. Кто-то предложил качать Игнатикова, но мастера и след простыл...

Он убавил домой. Дома его ждала большая мать.

Представьте? Большая мать! А он все-таки нашел в себе силы, чтобы выдержать после работы на завод. Многие, не ради корысти, не ради собственного благополучия сделал это Анатолий. Такие люди думают в первую очередь не о себе.

А вот еще один пример. Фрезеровщик Павел Булух был передовиком завода, получал хороший зарплату, пользовался уважением товарищей. Казалось, человек достиг всего, чего хотел. Живя в семье и наслаждаясь... Федор Аршинов, пожалуй, так бы и сделал. А Павел поступил по-другому: не мог он чувствовать себя до конца счастливым, когда рядом трудятся товарищи, которые нуждаются в его помощи. Он перешел в отстающую бригаду и возглавил ее.

соевять тригонометрию, которая мне так трудно давалась. Не пожалел он ни времени, ни сил, чтобы вместе со мной досконально разобрать все тригонометрические примеры и уравнения. А Мяжковский он знает наизусть и читает так, что заслушаешься.

Одним словом, на экзаменах я почти уверенно справился со всеми силами. А это многое значило. Все испытывая и сдав вполне прилично и по конкурсу был зачислен в институт на факультет двигателей внутреннего сгорания. Вот как сбылась моя заветная мечта! А Коля Галченко, ожидая сообщения приемной комиссии, волновался больше меня. Когда объявили результаты, он не выдержал и от радости сделал стойку на руках. Душа человек! Поздравляли меня и другие товарищи. А я от волнения никак не мог сказать в ответ, только думал про себя: «Вот как оно бывает, когда одишь за работу и за одного». Есть такая хорошая заповедь у бригад коммунистического труда.

В последнее время я с Колей Галченко занимаем на черчение. Эта штука требует большого труда. Но если вместе, вместе, никакие трудности не страшны...

Ну, хватит мне болтать о своих делах. Меч-

так и следовало ожидать, в первое время у него снизился заработок. Но это мало тревожило Булуха, потому что работает он не ради денег.

Успеха коллектива, общий нравственный труд давали свои результаты. Теперь все ребята из бригады Булуха стали отличными фрезеровщиками и выполняют по пятому — две нормы в смену.

Можно рассказать еще об одном примере — удачливом коммунистическом труде Валентине Сизове, мастере цеха.

Недавно его вызвал к себе заместитель начальника цеха Ефремов.

— Вот какое дело, Валентин, — сказал Ефремов. — Получено задание: нужно срочно изготовить четыре вакуумных щита для нового завода. Дело это непростичное, задание — таких никогда не выполняли. — Он развернул на столе чертёж и стал объяснять: — Под научные подкладки надо изготовить детали очень сложной конфигурации.

Молодой мастер слушал внимательно, не перебивая.

— Сидели мы тут и мозговали, кому бы это дело поручить, — продолжал Ефремов. — Очень уж ответственное задание! Ты, конечно, мастер, в твоей обязанности это совсем не входит. Но если бы ты согласился встать к станку...

— Если так надо, значит, встану, — сказал Сизов.

Тридцать шесть часов не отходил Валентин от станка. Болея спиной, нудя руки, временами в глаза появлялись какие-то искорки, но он сделал все, что требовалось. И в итоге не ради личной выгоды: берясь за работу, он думал о коллективе, о заводе.

Федор Аршинов не сделал бы этого: он любил только себя. Он и работал хорошо лишь потому, что хотел больше заработать денег. Ему наплевать, как работают его соседи, его товарищи. Он не придет к ним на помощь, если никак помыслит их интересах. Конечно, душа у такого человека!

Нет, не о Федоре Аршинове мечтал мой друг!

ИНЖЕНЕРЫ

(Окончание)

появлялся с тобой, Коля! У нас теперь достаточно поводов, чтобы распить вместе бутылку доброго вина, не правда ли? Приезжай! Оставайся работать у нас. Поступишь в институт. Даво тебе слово! Сам буду с тобой заниматься. Да и ребята у нас хорошие, не подведут. Жму руку, дружище! Твой друг Лева Жарков.

Горько обсуждают на заводском собрании первые итоги переделки инженерных бригад коммунистического труда... Десятки миллионов рублей сэкономит завод на вторых предложениях новаторов. Почти «1 + 3» здесь возможно за семнадцать подготовит сотни квалифицированных инженеров и техников в рабочих цехах. Длинношеи — мастера сметных линейек (как в шутку называли здесь молодых специалистов) по праву называются сореннования за коммунистический вклад новаторов в технику семилетия.

Доброе утро вам в завтрашний день, молодые новаторы Коломенского завода!

А. МИЛЧЕНКОВ

Стрелка-указатель с короткой надписью «Прибалтийская-комсомольская», поворот левой рукоятки — и вперед! вырастает белоснежное здание с двумя гигантскими, столбчатодесятиметровыми трубами, взметнувшимися в голубое небо.

Мы на строительной площадке Прибалтийской ГРЭС — одного из первенцев самплатин.

Соседня эстонского города Нарвы, Прибалтийская ГРЭС позволит объединить в одну систему энергетические мощности трех прибалтийских республик, Белоруссии и Ленинграда. Она будет крупнейшей в мире электростанцией, работающей на сланце, и одной из самых больших станций, построенных из сборного железобетона. После пуска станции на полную мощность Эстония выйдет на первое место в Союзе по выработке электроэнергии на душу населения.

«Когда произойдет электрификация всей страны, всех отраслей промышленности и земледелия, когда вы эту задачу освоите, только тогда вы для себя сможете построить то коммунистическое общество, которое не сможет построить старое поколение», — говорил Владимир Ильич Ленин на III съезде комсомола, обращаясь к советской молодежи. Ленинские слова стали заветом для молодых строителей Прибалтийской ГРЭС — ударной комсомольской строительной республики. Здесь нет равнодушных. Здесь работают те, у кого горячее сердце, беспокойная душа и крепкие руки.

Разными дорогами пришли они на стройку, но большое общее дело сплело их в один дружный трудовой коллектив.

Опытным плотником прибыл на Прибалтийскую ГРЭС комсомолец Александр Комаров; за его плечами были годы работы на «Самрыстрое».

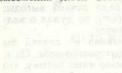
Из эстонского города Вильянди по комсомольской путевке приехал сюда Лембат Лемберг. Вместе с поднимавшимися стенами ГРЭС растут и люди. Комсомольско-молодежная бригада Александра Комарова, в которой работает Лембат Лемберг, сейчас лучшая на стройке. Правда,

Комаров изменил свою профессию — стал каменщиком, но работает он по-прежнему отменно. «Новоросская владыка», — говорит мастер, давая оценку работе бригады. Непривычный шум сотни механизмов, яркий свет прожекторов — значае немного пугали Миллу Аун — девушку из маленькой эстонской деревни. Но прошли первые недели и вместе с ними чувство неуверенности и робости. Милла поступила на курсы маляров, а уже через месяц электрораспылитель красок стал для нее знакомым и обычным инструментом. В этом году Милла решила поступить в Таллинский политехнический институт. У нее твердое желание стать инженером-энергетиком и обязательно приехать работать на Прибалтийскую ГРЭС.

Таких ребят и девушек на стройке много. Вместе с постоянными их можно считать, уже кадровыми строителями на Прибалтийской ГРЭС трудится молодежь из всех городов и районов Эстонии, приезжающая сюда на несколько месяцев по комсомольским путевкам. Здесь и студенты, и молодые колхозники, и рабочие с промышленных предприятий.

«Каждое задание — досрочно!» —

Комсомолец Люся Останий два года работает на строительстве электротриком-монтажником.

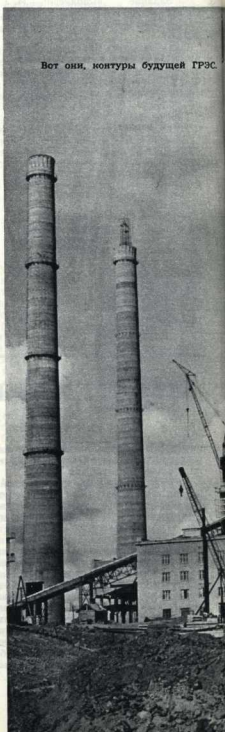
Монтер Вячеслав Будинч устанавливает изоляторы.

«Тан держать!» Комсомольско-молодежная бригада Александра Комарова лучшая на строительстве.

Вот они, контуры будущей ГРЭС.

КОМСОМОЛЬСКАЯ

этот призыв стал боевым лозунгом всех комсомольско-молодежных бригад, всей стройки. Строители «Прибалтийской-комсомольской» выступили инициаторами соревнования за досрочный пуск новых тепловых электростаций. Коллектив обязался сдать ГРЭС в эксплуатацию на год раньше срока — к концу 1961 года, а первую турбину мощностью в 100 тысяч киловатт пустить и 7 ноября 1959 года. Только за счет досрочного введения в строй этой турбины страна получит выигранный миллиард киловатт-часов — столько же, сколько дают сейчас все электростанции Эстонии.

На стройке напряженные дни. Круглые сутки ведутся работы в главном здании, все выше поднимается кладка стен, на монтажной площадке идет сборка котлов.

Пройдет немного времени, и «Прибалтийская-комсомольская» даст первый тон для заводов, фабрик и полей Эстонии, Латвии, Белоруссии, Ленинграда. А у входа в главное здание электростанции на мраморной доске будут высечены имена лучших строителей, имена тех, кто внес большой и почетный вклад в семилетку.

Эл. ЛЕОНОВ

Фото М. Муразова.

Днем и ночью полыхают огни электростарит.

Каменик Михаил Игнатьев доволен: кладка идет отлично.

Цирконие горнякты отырылаветы сперку...

Талдинские комсомольцы Хейно Крубберг и Виктор Гирцифельд приехали помочь строителям. Работы всем хватят!

Из колонии Андрей вышел в погоню. У ворот его ожидала мать. — Мама!

— Сынко, родненький! — Мать глядела шершавой рукой щеки Андрея. — Вернулся! — И плакала, плакала добрыми слезами обрванного материнского сердца. — Пойдем, Андрюшенька, пойдем...

Яркое весеннее солнце затопило город. Кварталы новых домов, сады, молодые, зеленые липы — как хорошо вокруг!

Андрей несколько раз оглянулся, и мать тревожно сказала:

— Не оглядывайся: примета плохая.

— Думешь, вернусь? Можешь, но беспоскобится. Моя теперь не собеешь!

— Не собеешь... А как же все это случилось?

«ДО ЧЕГО ЖЕ ТЫ ТУП, МОЙ МИЛЫЙ!»

...Учительница что-то объясняла, и, глядя на нее, Андрей мучительно думал:

«Необходимо все рассказать ей. Ведь отец пропадет: заработок, тавит вещи из дому, избивает мать...» Вера опять не ночевала дома, явился, когда Андрей собирался в школу, и начал что-то искать в шкафу.

— Ты что? — спросила мать.

Отец взял из шкафа пальто матери и направился к выходу.

— Не даи! — крикнула мать.

Андрей встал рядом с матерью.

— Ах, вы так! — Глаза отца налились кровью...

«Должен же нам кто-то помочь...» Думал Андрей. — Как только начнется перемена, я подойду к учительнице...

— Коробок, иди к доске! — громко сказала учительница.

Андрей встал.

— Разрешите мне ответить в другой раз.

— К доске! — повторила учительница.

Андрей пошел к доске, но не смог ответить ни на один вопрос.

— До чего же ты туп, мой милый! Садись.

Горькая обида подступила к сердцу мальчика.

«Туп, туп, туп...» стучало у него в голове.

НОВЫЕ ДРУЗЬЯ

На следующее утро Андрей, как обычно, собрался в школу. И вдруг вспомнил: «До чего же ты туп, мой милый!» «Не пойду в школу!», решил он.

В парке хозяйничал ветер. Листья, красные, желтые, маленькими и большими, осипали пустые скамейки. Кто-то сид рядом. Андрей поднял голову и увидел паренка лет шестнадцати — семнадцати, прилично одетого, с папиросой в зубах.

— Закрунись!

Голос у парня был твердый. Не дожидаясь ответа, он достал коробку «Казбек» и щелкнул большим пальцем по нему. Андрей несмело взял папиросу. Незакомое извлек из кармана спички.

Прикуривай. Тебя как зовут?

Андрей рассказал парню, что ему тринадцать лет, что учится в седьмом классе. Рассказал и о том, что было на душе.

— А меня Ваской зовут. Кличка «Длинный». Насчет школы ты не сомневайся. Я сам уже два года не учусь, а вот видишь, не пропал! И ты не пропадеешь. Даже матери помогать станешь.

— Как же это? — посмотрел на Васку Андрей.

— Ходят здесь по земле правильные люди, не чета твоей учительнице! Они не дадут пропасть. Могу познакомить.

РОЖДЕНИЕ ФОМЫ

Андрей долго «проверяли». Васка и его приятели действовали осторожно. Они подыскивали ребят, у которых, как у Андрея, жизнь сложилась трудно. Вороской шайкой руководил опытный рецидивист. Это был хитрый человек. Он учил Васку при провале не

Л. ПЛЕСКАЧЕВСКИЙ

Рисунок Р. Вольского.

теряться, а давать указание кому-либо из парней «брать все на себя: пусть пропадет один, а шайка остается».

Поняв, что связался с ворами, Андрей испугался. «Хотя бы кто-нибудь из школы пришел», — думал мальчик. Но учительница, которой поручили навестить Андрея дома, не смогла выбрать для этого времени. Матери, перегруженной работой, было не до сына. Позвали бы Андрея и школьные друзья.

Так единственным властителем Андрейской души оказался Васка Длинный.

— Вот, к примеру, рабочий», — разглагольствовал он, — работает, а я двумя пальцами шевельну — и столько же заработаю.

Однажды, после уденной «операции» с дамской сумочкой, Васка сообщил Андрею, что он оправдывает надежды друзей и отныне получает кличку «Фома».

«БЕРЕГИТЕСЬ, ИДЕТ ФОМА!»

Васка, Андрей и еще двое из шайки долго следили за изрядно подвыпившим парнем. Тот качал из стороны в сторону, он бормолал что-то бессвязное и скоро свалился у забора. Точнее над ним склонилась ворониха. Но тут появился милиционер. Все бросились бежать. Андрей спотынулся и почувствовал, что его дерзнул чья-то крепкая рука.

«На допросе Фома строго придерживался инструкции, полученных от Васки:

— Ничего не знаю, случайно встретился на улице... Проходил мимо, хотел помочь человеку... Вот и все.

В милицию были вызваны учителя из школы, родители. Учительница заявила:

— Испорченный мальчик. От него можно всего ожидать.

Мать плакала. Отец вообще не пришел.

В камере предварительного заключения Андрей начал опекал прищеватый парень, все время чему-то ухмыляющийся.

— Слушай, — крипел он, — тебя направят в трудовую колонию. Ты должен там бороться с активом. Подбери настоящих ребят и устрои бучу. Пусть колония станет вороской!

Новички, прибывающие в детскую трудовую колонию, обычно проходят карантин. С каждым ухудшавшимся из карантина Андрей передавал:

— Берегитесь, идет Фома!..

Он полагал, что эти предупреждения создают ему авторитет вожака. Но на деле все оказалось иначе. Воспитатель привел его в отделение и, познакомив с ребятами, ушел.

— Значит, это и есть Фома? — проговорил рослый парень. — Знаменитый вор Фома.

Он подмигнул приятелям, и все рассмеялись.

— Пленец ты еще, дружок, вот кто. Я вот тебе вором был, а стал человеком! И ты им будешь. Запомни. Это говорю я, бывший Хлыст, а ныне Георгий Хлыстов — командир отделения трудовой колонии.

В тот же вечер Андрей узнал, что Хлыстов слыл в Армавире «шкарным» вором.

«Утром Андрей отказался убрать свою постель.

— Старое забыто», — спокойно сказал Хлыстов. — Наше отделение дермат первое место, знания получили. Не будем тануть ты нас за!»

— Отойди! — огрызнулся Андрей.

Хлыстов вдруг изменился в лице и стал надвигаться на него.

— Брось, не связывайся! — посоветовал кто-то. — Стоит ли руки марты!

РУКИ СТАНОЧНИКА

Скоро Фома сдружился с неким Семеном. Договорились устроить бучу в колонии.

— Ставки все к чертовой бабушке! — шептал Семен. — Главное — побольше пацанов навербовать!

Разработали план, назначили день и час, и вдруг все рухнуло: замысел раскрыли. Андрей попал в изолятор, а Семена перевели в другую колонию. Оказавшись в изоляторе зашел воспитатель Павел Максимович.

— Нрависьки — ты мне, — сказал он. — Умный ты, и руки у тебя добрые.

— Добрыи! — удивился Андрей. — Руки как руки. И вовсе я не умный, в тупой...

— Тупля тебе прикрутятся не удастся. А руки у тебя рабочие. Станочник из тебя знатный получишься. — Он помолчал. — А знаешь, зачем я пришел сюда? Я хотел сказать, что им тебя вором не отдадим. Ты будешь человеком!..

Когда Андрей вернулся из изолятора, Хлыстов сказал ему:

— Пошли в мастерскую, мне подручник нужен.

И тут Андрей вспомнил, что у него «добрые» руки. Конечно, работать он не собирался, но для него это дело, но попробовать можно...

Как получилось, что не мог уйти от станка, сам не понял. Сначала работал Хлыстов, а он смотрел. Потом попросил:

— Дай-ка...

Заработай станок, и рядом с деталями, изготовленными Георгием, легла деталь, сделанная Андреем.

— Нравится? — спросил Хлыстов. — Отойди, ты ведь техникуму не сдад.

— Сдам, подожди!..

Так и проработал до конца смены.

«Уже совсем уладилось дело, как вдруг пришло сообщение: Хлыстова освобождают досрочно. Прощаясь, Андрей предупредил:

— Сматри, как бы не стукнули тебя дружки. Ведь знают, кем ты был здесь...»

Хлыстов сидел удушен.

— Видел? — спросил он. — Какие они мне дружки! Люди работают, изобретают, а они грабят, берут трудовое... А те, кто и втягивает нас, малолетних, — гады настоящие! Я бы для них, как для убийц, — расстрел!

Нужно заглянуть в сердце этот разговор.

Как-то Андреев сообщали, что пришла на свидание мать. Он крикнул:

— Не пойду! Не хочу ее видеть! Почему допустила, чтобы я вором стал!

«Вечером в комнату отъехал, где Андрей играл в шахматы, завел Павел Максимович.

— Спец ты в шахматы играть, — похвалил он, когда Андрей выиграл у партнера. — Теперь у меня попробуй выиграть.

Павел Максимович сел за стол и, немного помолчав, сказал:

— Плохо, когда человек несправедлив... — Вы о чем? — насторожился Андрей.

— Узнал я, как тяжело было твоей матери жить с пьяным отцом, и подумал, справедливо ли ты был сегодня к ней...»

ЧЕСТНОСТЬ

В колонии появились новичок по кличке «Крюк». Он передал Андреев привет от Семени и наказ продолжать начатое дело. Внимательно приглядываясь к Андреев, он спросил:

— Надо бы новую бучу подготовить, ты как? Говорят, на станке работаешь?

— Развлекаться, — ответил Андрей. — А с ребятами поговори. Пойдет буча — я поддержу...»

Крюк действовал быстро. Новички, воспользовавшись тем, что недавно из колонии досрочно освободили большую группу активистов, привлекли на свою сторону неустойчивых ребят.

Вечером нам работать и учиться! — разглагольствовали заводилы! — Пусть дружки работают. А мы воры, нам работать не положено!

Слушая их, Андрей вдруг понял: такело ему расстаться со станком. Он привнес вычищать детали, привик видеть против своей фамилии на доске показателей цифру «150». А тут все пойдет прахом! Почему? Потому, что Семени и Крюку нужны подручные! Потому, что Семени и Крюк — дермюеды и хотят остаться таковыми!

Уйти бы от всего этого! Но Андрей уже понял: в таком деле нельзя оставаться в стороне. За или против? С кем ты?..

В эти дни он часто ловил на себе испытующий взгляд Павла Максимовича. Становилось нехорошо...

Колония вела заготовку камней за городом, на берегу Белой, — места, знакомые с детства.

— Павел Максимович — обратился Андрей к воспитателю. — Почему всех берут на вывозку камня, а меня обходят?

— Вопрос ребром поставлен, — ответил воспитатель. — Боялись, что уйдешь.

— Вы сказали «боялись». Значит, это было раньше? — Да, раньше! Завтра поедешь.

...Андрей долго осматривался по сторонам, не следя ли за ним, но ничего подозрительного не заметил. Вот она, Белая. Стоило прыгнуть в воду, броситься в лес — и свобода! Пусть Крюк сам в изолятор садится.

Бежать или нет? Бежать!

Он решительно направился к берегу, но какая-то сила остановила его. «Что будет со мной? — подумал Андрей. — Отыть к воярам! Но тогда лучше примкнуть к Крюку... А Павел Максимович?..»

Он вернулся в колонию, а вечером сказал воспитателю:

Завтра не посылайте меня. Намаялся, как волк...

— И все? — спросил Павел Максимович. — Я думал, ты мне еще что-то хочешь сказать.

— Сворал я. Хотел убежать.

— Вот это честной! — обрадовался воспитатель.

В уборной Крюк шепнул Андреев:

«Десятого а обед...»

«Знают, буча начнется! Они откажутся работать, учиться, учинят драку с активистами, смогут быть, даже разобьют станки... Что делать?»

В комнате отъехал ему вручили письмо от Хлыстова.

«Здравствуй, Андрюха! — писал Георгий. — Долго не писал, так как не ладилось с пропией. Теперь все в порядке. Мы получили новую квартиру (мать, конечно), я работаю по шестому разряду, получил за прошлый месяц 924 рубля. Вот так, Андрюха, и ты будешь работать. То, что было раньше, уже отошло. Тут кое-кто знает, кем я был в колонии, но даже подойти боюсь. И пусть не подходить, для их же счастья...»

Андрей читал это письмо и чувствовал, как крепнут его силы. Лег спать, зная, что круто повернет свое мнение.

Во время урока отпросился в саниточку. Но, выйдя из класса, направился в методкабинет. Воспитатель был один.

— Павел Максимович! Крюк назначил в обед бучу.

Павел Максимович обнял за плечи Андрея, усадил его. Минут десять они беседовали об участниках и вожаках.

— А теперь, — сказал воспитатель, — иди на урок.

На следующее утро в колонии состоялось общее собрание. Из изолятора были приведены зачинщики бучи. Они рассказали о своих планах уничтожить учебники и станки, отказаться от учебы и работы.

— Вы слышали, товарищи, что задумали они! — тихо, но отчетливо проговорил начальник. — Давайте выскажите свое мнение.

Поднялся Андрей.

— По нечестному, мы с вами, товарищи, попали под дурачное влияние. Теперь я понял многое, побойсь труду, буду рабочим человеком. И знайте: это я выдал тех, кто хотел поднять бучу. Я!

В зале стало тихо.

— Меня уже не сбивь с пути. И пусть обходят стороной тех, кто попытается это сделать. Мне не подпортится! Я все сказал.

И вдруг раздался аплодисменты. Они начались в центре зала и росли, росли...

Мачеха

Мы в детстве многого не знали...

Меня порой в разгар игры Соседки мачехой пугали:

— Придет — все выдерет выкрик... А сербодильная старушка...

Вспомню, какла головой, Свала в руки мне ватушку И назвала сиротой...

Мне этот день забыть едва ли. Приншел отец.

— Ну, Николай, Знакомься! Это тета Валя, Заочусь — мамой называй... Взгрустну по маминю заботе,

С испугом — будто бы в огонь — Я сруил в руку этой тете Свою немилую ладонь.

А тете Вале предстояло Семейных множество забот: Весь день от пыли протирала Кровати, оны и косяки...

И переставила от стены На место новое буфет. Но не сыла она с простенка Печальной женщины портрет.

Прогрета жареную раму Кусочком старого супа. Как будто знала мою маму Со дня рождения она...

А я ни ласке, ни заботе Не мог поверить до поры: Мне все казалось, эта тета Сейчас мне виденится в выкри.

Молчал, наслушавшись, упрямо, Смотрел на тету, как зверек, И слова маленького «мама» Из сердца выдавливала не мог.

И как-то раз, уна с барези, Лежал я в гипсе и бинтах, Я первый раз увидел слезы На добрых тетиних глазах.

Увидел я их в боль и муку. Когда ушел от койки врач, Нашел я ласковую руку И молвил: — Мама, ты не плачай!

А слез бредил до рассвета, Казалось, мне во тьме монной, И как-то раз, собя с портрета, Соплилась низко надо мной.

Если есть человек на приеме. Принимаем в шахтерский отряд. Мы не судим о нем по анкете, По количеству лет и наград. Мы не верим в его разговоры. Только в амьсте побойсь довелось: В тьмой лаве умиют шахтеры Человека увидеть наскозь.

Творец

Ходил, курил, шептал:

— Найдем, найдем... И на тетрадной клетчатой бумаге Он что-то все чертил, чертил карандашом, Чтоб легче было свод крепить в квершлаг...

Потом, в сторону отодвинув ступ, Шагали мерил комнату он снова. Лишь на рассвете радостно вздохнул И прошептал:

— Готово! Смотрел в окошко розовый рассвет На стол простой, на чертежи крепельня.

...И стал прохрустят крепко, как ног, Создавший лихте свое стикторельня.

Г. Горюнов.

БЕССОННИЦА

(Окончание)

говорит заранее. Поправляя руку, чтобы шею не так было больно, Иван Лукин в уме еще раз проверил свои, одному ему известные расчеты: если тридцать восемь латерных жетоков будут работать от зари до зари и если в эти дни не будет дождей, то на пятые сутки останутся несваленными гектаров двести. А если случится дождь, поломка трактора или жатки? Мысли эти были так навязчивы Ивану Лукину, что ему не терпелось самому побывать на каждой участке и, как командиру перед атакой, все осмотреть и все проверить. И он уже ругал себя за то, что позвал встречать Алексея. Могила бы встретила одна Ксения. Не встречал же Иван, мог бы не встретить и Алексея. Сам бы он нашел дорогу в Журавку. «Ну, ничего, дело это еще поправимо», — думал он. — Сегодня же обзвоню все бригады и все проверю... Так что, Ксюша, и сегодня тебе не придется спать. Отвезем молодежь в Журавку, а сами сейчас же в степь, и не вернемся в Журавку, пока все хлеба не заперестают валками...»

Подняв голову и сразу же полез в карман за папиросами. Сладко потянулся, закурил.

— Хорошо поспали, Иван Лукин?

— Добре... А ты чего такая свежая да румяная?

— Умылась... Ксения, красная, не хотела говорить правду... Вы спали, а я остановилась у берега и умылась. Ой, вода холодная!

— Да, да, она же течет из ледников... Иван Лукин поглядывал на поля... А где мы находимся? Курсавку проехали!

— Подозвонили... Ксения взглянула на часы... Не беспокойтесь, Иван Лукин, к самолету мы поехали. Еще и ждать придется.

Темный и местами размыкий от тепла асфальт под ногами так, как шипит костер, когда его заливают водой. Стрелка спидометра замерла на цифре «100», и все красная голубая, точно язычок пламени, чуть-чуть вздрогнула и как бы загорилась; хвостик, хвостик, и так уже много! Иван Лукин тоже полагал, что быстрее ехать нет нужды. Смотрел на чужие поля и невольно сравнивал со своими. Мимо проносились то кукуруза, и была она и не такая высокая и не такая зеленая, как на журавских хуторах, а Иван Лукин, сам того не желая, этому радовался; то горюхица, и была она раскидывалась цветущей подсолнух — да, хорошо, такого подсолнуха не имеет и «Гвардеи», — и Ивану Лукину почему-то было грустно; то растелились клочки озимых — мет, и росли они не так, как вышла, и колос жиденький, — и Иван Лукин улыбнулся.

— Иван Лукин, а можно у вас спросить?

— А почему нельзя? — неохотно ответил Иван Лукин. — Спрашивай... Что там у тебя?

— Я насчет Ивана. Никак не могу его понять... Ее веселые и от недавнего купания и от бывшего в лицо солнце глаза вспыхивают... И чего он такой сумасшедший? Такое молодое, а уже такой злощип.

— С дороги, видно, приморился... — сказал Иван Лукин и, глядя на извилистую, местами с плывущими пшеничку, подумал: что, что он молодой, ты приметил сразу. Мо-

жет, чего доброго, моей невесткой будешь...»

— Вчера, когда вы сказали, что бы я его отвезла, — продолжала Ксения, блестя глазами, — я с ним и ласково говорила и вообще старалась угодить, чтобы все было похорошему. А он обернулся на меня — страсть! И через то не могу его понять...

— А зачем тебе его понимать? Кто может, от чего на вас обзвоненный?

— Ну, а ежели, допустим, и на меня? Тогда что?

— Ой, дурной Иван, ой дурной! Ксения считала Ивану Лукина не только человеком большим, всеми уважаемым, но и самым сердечным, добрым к людям. Она всегда желала во всем ему угодить, помочь, сделать ему что-либо приятное. И он сказал:

— Хотите послушать моего совета?

— Ну, допустим, хочу...

— Вы покажите Ивану все, чего достиг «Гвардеи», и все богатые хозяйства при вас нахажу... А что вы смеетесь?

— Для чего, Ксюша? — Иван Лукин покручивал ус... — Что у нас, в Вине, на фестивале. Былешый устраивать?

— Да нет же, зачем! — волнуясь еще больше, говорила Ксения. — Я думаю так: увидит Иван все, что вы сделали и каковы стал «Гвардеи» и все фермы... И поможет и поймет, какой у него отец...

— Ты думаешь, поймет?

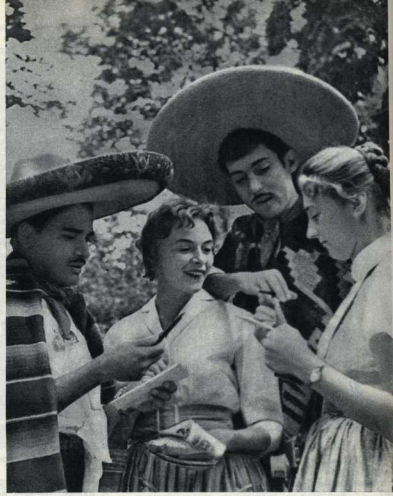
— Беспременно! — уверенно ответила Ксения. — Дайте ему машину, и пусть он объедает все бригады и все фермы... И несмело добавила: — Могу, если вы скажете, и я его свозить.

Все так же глядя на дорогу, Иван Лукин хмурил брови, думал: Это поинюша, ты Ксюша, смеюшься не только свезти Ивана по бригадам, а влюбить его в себя. Да почему бы и не так? Люди молодые — все мотать... Только не в этом суть. А в чем же? Может, пожелания Ксени и имеют разное? Что ж, пусть и в самом деле Иван поедает по хуторам и поглядывает достижения.

И теперь, только о том, чтобы показать Ивану хозяйство и чтобы он сам увидел, как нынче живут люди на тех же хуторах, на которых они раньше бедствовали, ядрот показало ему и важной и нужной. «И пусть Иван увидит не того батюка, какой клестал его по дружбе плетью, а того батюка, какой всю эту жизнь построил и дал людям облагчеение... И ничего, пусть повезет его Ксения, и пусть они, вместе того пожелают, и сплутуются... Мне-то тут что за печаль? Да и кто она мне, эта Ксения Голошокова?..»

И все же Иван Лукин не высказал эти мысли вслух. Надо хорошо научиться обучать, может и нет нужды показывать Ивану хутора и хвалиться перед ним? Весь остаток пути, грубо задумавшись, Иван Лукин проехал молча. Молчала и Ксения, зная ругать и дорог. Только в сумерках, когда показались серые, укатанные колесами просторное поле и засверкали крыльями стоявшие в ряд самолеты, точно огромные белые птицы поднимались в небо, Ксения крикнула:

— Ой, какая красота! Поглядите, Иван Лукин!

Они не зря обменивались адресами: дружба, зародившаяся на фестивале, не инертна

«Ты помнишь Вену?»

Фото Н. Рясина

«Дорогой советский друг! Ты помнишь Вену?»

Юноша сидит на скамейке московского бульвара. В руках у него письмо. Юноша дочитывает письмо, долго смотрит, задумавшись, на кружащиеся листы. Конечно, он помнит! Они познаномились с Робертом в Вине, на фестивале. Былешый спорт, воевавший в Алжире, Роберт много рассказывал о своей жизни, о родине. Его никто не агитировал вступать в Коммунистическую партию Франции. Нет, это не совсем точно: жизнь агитировала — заставляла задумываться над социальной несправедливостью, царящей в стране, над нежесткостью

лонизаторов в Алжире. И вот, вернувшись во Францию из Алжира, Роберт стал коммунистом.

Юноша всматривается в веселые лица людей, которых так много на бульваре в этот солнечный осенний день...

Бессонный фестиваль молодежи! Отвечали его фанфары, но axes фестивалю продолжает катиться по миру.

Маркоче... Когда молодежная делегация выехала из Вены, открылся конгресс Национального союза студентов. С его трибуны на бульваре в этот солнечный осенний день...

Высокую оценку, одобрение и поддержку фестиваль получает повсюду. Молодежь помнит фестивальную Вену.

«Ты помнишь, мы с тобой познакомились на площади Рэтгауэст — пишет Динкафрино Питторези из Флоренции» — молодому москвичу принадлежал Борис Фоксман. — У нас выходит молодежному журналу «Винконтроль» в сотрудничестве. Мы хотим объединить людей разных стран и взглядов. Так как ты работаешь учителем, мы обращаемся к тебе с просьбой написать для журнала статью о советской школе. Это очень интересует всех нас... И еще, пожалуйста, сообщай, написала ли тебе Франсина?»

Нарисовал? — спрашивает мы Бориса Фоксман.

Да... И Борис вынимает из кармана пачку голубой нон-верт... — Поздно, а мы все сидим с Борисом, и он рассказывает о своих свежих знакомых, о людях, давших клятву бороться за мир, о письмах.

Нет, фестиваль не кончился, он продолжается... Мы поминя Вену!

К. ВИШНЕВЕЦКИЙ

Советские юноши и девушки, побывавшие на фестивале, часто встречаются со своими сверстниками. На снимке запечатлена одна из таких встреч.

В нашей поселке

Умеренно

Мне или зор

Есть в по-сел-ке у нас гор-но, ра-бот мо-ло-дой, за-мг, ра-ст-и в серд-це о-

гонь.

А дев-чон-ка од-на все не мо-жет по-нять, от-че-го так вез-

ка-ет пар-монь.

А дев-чон-ка од-на все не мо-жет по-

Для полюбленной

Для любимой

И ког-да-ка

...неть, от-че-го так вез-ло, от-че-го так вез-

Слова Валентина КУЗНЕЦОВА.

Музыка Ильи ЦЮПИЛО.

Есть в поселке у нас
Гармонист молодой.
Занграет — и в сердце огонь.
А девушка одна
Все не может понять,
Отчего так вздыхает гармонь.

И когда по утрам
Полыхает восход,
На работу слышит паренек,
Мимо дома ее
Он проходит не зря,
Только девушки той незнаком.

Но настала пора
Прижаться ему.
Развернул он тугие меха,
Все затеки вокруг,
Лишь она в стороне,
Почему-то грустна и тиха.

Рисунок Н. Шеберстова.

Хороша вода!
Дитер Аригольц и Роз Мари
Канцис (туристы из ГДР).

Чехословацкая лаборантка Гана Белогуба, балканский рабочий Ядвиг Гроховска из Польши, инженерша учительница Эрмекет Тимин, французский ветеринар Жан Мартинез, студент Колумбийского университета в США Том Робинсон, москвич студентка Ирина Велюева, выходящие из ГПР Лидер Манфред — все они никогда не забудут рождественских дней, проведенных в лагере на берегу Черного моря.

В ВЕРЕЧИ

РОЖДЕЖНО ПРАЗДНИК

Фото М. Муразова

Вскрывает солнце. Небо светлеет, и чече вырисовывается массивная скалаут Аю-дага... Мы в Гузуфе, в международном молодежном лагере, который открыт этим летом Комитетом молодежных организаций СССР. Нам сказали нам директор лагеря В. И. Проценко, за сезон этого года здесь отдохнуло около 1 500 человек.

А сейчас в нашем лагере, — сказал В. И. Проценко, — находятся представители семи стран: Чехословакия, ГДР, Польша, Венгрия, Франция, США и СССР.

Основное занятие отдыхающих — туризм. В походах и экскурсиях, в беседах и спортивных играх рождаются и крепнет вера в единство молодежи, в международную солидарность, в возможность, как говорил Владимир Маяковский, «создать единую человечью общность».

В день нашего приезда лагерь провозглашал немецких друзей. Уезжать им, конечно, не хочется.

— Эй, Диттер, не грусти! — говорит кто-то из советских ребят. — Возьми монету, брось в море — и обязательно вернешься...

— Тогда я лучше брошу рубль! — в последний раз обмениваются адресами. Их записывают на чем угодно: на конвертах, открытках, фотографиях. А чтобы бумажки от волнения не вышли кривыми, вонюче прислоняют бумажку к широкой спине Курта Клапратца.

Щелкает затворы фотоаппаратов. Последние рюмочки — дружеские, до боли крепкие. И последние песни. Сколько раз вот так же, когда собирались где-нибудь в горах на привал, или в походах, или вечером у костра, пелись: «Смело, товарищи, в ногу» и «Рекет красивые заманки» — песни немецких антифашистов, «Черное море мое» и «Подмосковные вечера»... Поют и сейчас. И вот автобусы под немецкую песенку о веселой девушке Лизе трогаются с места.

— Прощайте, друзья!

Нельзя оставить лагерь незамысловатым подарком: фарфоровый кувшинчик и декоративную тарелку с видом города Хале, где многие из них живут. В свою очередь, они уезжают с собой сувениры — значки «Турист СССР». Но у тех, кто уехал, и у тех, кто провозманился в сердце самое дорогое — чувство дружбы и братства.

Началась зима. После отъезда группы немецких юношей и девушки прибыли чехи. Они как-то незаметно и очень быстро включились в жизнь лагеря, переизоминились в нем. Их представителем Павел Марек, высокий привлекательный преподаватель из Праги, в первый же вечер хохликался на всеобщей площадке.

Всеобщая площадка — одно из самых популярных мест в лагере. Сюда собирается все многонациональное население. Здесь мы и встретили Жана Мартинеза из

французского города Лиона. Мы узнали, что он пришел вместе со своими друзьями по колледжу. По возвращении домой всем им грозит отправка в Алжир, где они должны будут проходить военную службу.

За отъезд ехать в Алжир, — говорит Жан, — власти сажают в тюрьму, нам посадили они Альберта Лиешти, который уже третий год томится в застенке.

Наш не совсем веселый разговор прервала группа туристов из Польши и США. Сегодня у них совместная экскурсия в Финтийский ботанический сад. Мы присоединяемся к ним.

Еще по дороге начинаются распросы: сколько лет надо учиться в Америке, когда возмужает Польша и нравится ли вам здесь? Откровенней разговор, обмен мнениями улеглись путешествников: это было интересное новых видов растений ботанического сада, это было по-вашему: ведь говорили и о том, что волнуют молодых...

Не обошлось и без казусов, порождаемых незнанием языка. Вернон Бройла спросил на ломаном английском языке, читал ли он роман Митчела Уэлсона «Врат мой враг мой». После некоторого размышления Бройла величаво осведомился:

— Так как же поживает ваш брат?

Пришлось вмешаться переводчице.

После экскурсии, когда возвращались домой, кто-то, смешно произнеся русские слова, закричал «Катюшу». Остальные подхватили. Так с песней и выехали в лагерь.

Встречи содействуют сближению и рождают дружбу. Символом дружбы в лагере стали костры. Первые два были заняты в честь отъезда советской группы и прибытия французов. И вот назначен третий по счету костер. С утра все заняты на речке. Из летнего камюкета доносится звучан балла и слова цепной песни. Это собираются советская группа. Венгры сегодня раньше обычного ушли с площадки: они собираются показать чародея. Американцы унесли и себе наверх радио, обычно стояло у халло — репетировать танцы под долгоиграющую пластинку. Чехи еще в порядке пытаются разучивать песни, и самая любимая у них — «Стель да стель нугом».

Когда стемнело, обитатели лагеря собрались на костровой площадке. Представители от каждой группы взяли горючие факелы, и под звуки «Гимна демократической молодежи» взметнулись и небу пламя.

Дети разных народов пели о себе, о своих надеждах, о своей силе. Пели Эммануэль Матчан, инженер-химик, и Баниковская студентка Ядвиг Гроховска из Варшавы. Пели Павел Марек и его жена Марин, сотрудни-

ца французского журналиста «Голоса молодежи». Пели тринадцать амери-

В поход

канских студентов, членом Ассоциации христианской молодежи, Пела Эрмекет Тимин из Венгрии, руководительница пионерского движения, Пела архитектор Зина Чуркина и мастер сборочного цеха, станостроительного завода Юра Конопленников из Москвы. Пламя озарило лица. Казалось, песня растеет, ей уже тесно на костровой площадке, она летит дальше... И нет ей ни преград, ни рубежей!

Ф. ЛОГИНОВА

У костра дружили.

Однажды в Париже...

Издатель «Немецко-французского ежегодника» Арнольд Руге был жаден и малочел. Вспомни, что наступил день выплаты жалования сотрудникам редакции, он стал нервозничать. Платить кому-то деньги, хотя бы и за работу, ему не хотелось. Он записал из-за стола и заходил по кабинету, раздумывая о том, как бы избавиться от платежей.

Снова опустившись в кресло, Руге вынул из ящика стола желтый список сотрудников редакции. Он знал его наизусть, но все-таки принялся с тщанием изучать.

Вдруг взгляд Руге остановился. Он медленно пролистнул азбуку: «Карл Генрих Маркс — 500 талеров в год». (Список был старый, составленный еще в Германии, — в нем талеры не были переведены во франки.)

Издатель задумался, вспомнив Маркса. Он еще не встречал человека, более равнодушного к деньгам. Недавно, года полтора назад, Маркс женился. На какой Вяз в жены потомственную аристократку, сестру министра прусского короля, и при этом ухитрился ничуть не исправить свои финансовые дела. Это надо уметь! Нет, он, Руге, в свое время женился совсем не так... К тому же этот чудак, судя по всему, до сих пор продолжает влюблен в свою жену.

Он опять порхал в ящике письма и положил перед собой письмо Маркса. Мелком пробояв начальные строки, в которых Маркс извещал за то, что не будет никакого статьи для преемного издания, Руге читал: «Составное время было распылено и отравлено самыми неприятными домашними драмами. Моя жена поставила передо мной ряд препятствий, из-за которых я, несмотря на ее благосостояние, оказался на время в самом тяжелом положении...» Руге остановился. «На вранье! Нет! Такие люди, как вы, Маркс, осуждены до конца дней своих мыкать горе. Уж я-то знаю!» Он читал дальше: «Я отнюдь не стану обременять вас рассказом обо всех этих частых гадостях: истинная причина в том, что какости общественного порядка делают для человека с характером совершенно невозможным раздвигаться из-за гедонизма частного порядка.»

Руге, усмехаясь, подчеркнул последнюю фразу, хлопнул в ладоши. «Отлично!» По всему было видно, что он принял какое-то ловкое решение.

Маркс играл в шахматы со слугиней Ленхен. Плата стола за его креслом и, положив тонкую, белую руку на иссиня-черные курчавые волосы мужа, сидела за игрой. Положение Карла было трудным. Он горничная. Вдруг в проходе раздался звонок. После очередного хода Ленхен должна открыть дверь.

— Женни, а ведь я проигрываю,— он отрывал глаз от доски, проговаривая Маркс.

— Вижу,— ответила жена.— И вчера ты проиграл.

— Вчера? Нет! Вчера я выиграл!

— Нет, проиграл,— мягко повторила Женни.— Это позавчера ты выиграл.

— Разве позавчера?

— Да,— Женни, а ты не скажешь Ленхен, если я вот эту пешечку чуть-чуть подвину?

— Как тебе не стыдно, Карл! — Тонкая рука отомула в смольной шевелюре и слегка дернула ее.

— Ну, я же, конечно, шушу,— сказал Маркс и потянулся, чтобы подвинуть пешку.

Белая рука Женни опустилась на смуглую руку Маркса.

— Перестань дурничать, Карл! Я хочу поговорить с тобой о деле.

— О каком? — Маркс положил своего короля в середину доски в знак того, что сдается.

— Завтра нам нечего будет есть... — Во-первых,— Маркс обернулся к жене и взял ее руку,— это, мой друг, еще недостаточная причина для того, чтобы твои глаза были так печальны, а во-вторых, ты превеличаваша.

Бископский.

— Ты превеличаваша, ибо сегодня я получаю жалованье. Все будет прекрасно!

Дверь открылась, и в комнату с какой-то плотной завёрнутой в бумагу коробкой вошла Ленхен.

— Что это у тебя? — спросила Женни.

— Прислали от Руге,— ответила служанка.

От Руге! — удивился Маркс.— А ну, посмотри, что там такое!

Ленхен поставила кипу на стол, Маркс разорвал бечевку... Перед ним лежало несколько десятков экземпляров «Немецко-французского ежегодника». Тут же была записка: «Дорогой друг! Вы знаете наши финансовые затруднения. Поэтому, надеюсь, Вы не посуетитесь на меня за то, что я вынужден уплатить Вам жалованье не деньгами, а экзамплярами нашего журнала. Вам ли, человеку с характером, огорчаться из-за такой мелочи! Наследств Ваш — Арнольд Руге».

Маркс едва дочитал до конца: его душил смех.

— Ну и прожай! Ну и ловкач! Ты знаешь, Женни, ведь у экономистов этому есть специальное название — «трансакция». Система оплаты труда товарищи! Хорошо же наш партнер Руге, если он эту бессовестную систему капиталистическую насасывает в журнале, который намерен бороться против капиталистов!

Маркс смеялся так безудержно и заразительно, что женщины даже вытирала слезы от смеха слезы.— Что-нибудь придумаю. Не падай духом, Женни! Давай заложим в ломбард какую-нибудь вещь.

— Карл, милый, оглянься-нибудь себя! Где ты видишь такие вещи, которые заинтересовали бы парижских скупщиков!

— Научили ничего такого у нас нет? Но не думай!

Женни сокрушено покачала головой. Она постояла минуту в раздумье и тихо произнесла:

— Впрочем, есть одно маленькое народное. Маркс одобрял это, надеюсь, что привлечет к себе меньше внимания. Он стал разглаживать людей, которых привела сюда нужда... Бледный, плохо одетая девушка. Она пуглива и стеснительна, видно, пришла впервые.

А вот старик, должно быть, давно уже изучивший все тонкости заклада. Он ни на кого не смотрит. Ему все безразлично. А рядом еще нестарая женщина со следами красоты на лице. Она, наоборот, со всеми заговаривает, словно оправдываясь, объясняет, почему и как она попала сюда: муж почему-то незаложил работу вешевую в гостини картину и велел ее выбросить... Женщину все слушают, сочувствуют, выносят голубам, но она видит, что ей никто не верит. Маркс отворачивается: больно смотреть на это красивое, гордое лицо, которое искажают боль и унижение...

примесенный Марксом набор. Полчищески взял ломку и, внимательно разглядев ее, спросил:

— Ваше имя, месье? Род занятий?

— Карл Генрих Маркс. Публицист, литератор. Я прошу немедленно объяснить мне причину моего задержания.

— Вы присвоили себе чужую собственность.

— Я!

— Да!

— Когда? Где? Какою собственностью?

— Вот эту! — С вышкой в руках высочайший явред, старичок-оценщик.— Вы! — сличком молодой, неопытный и торопливый. Вы не заметили вполыха, что здесь стоит герб герцога Аргайлей!

— Все понял, Маркс ушибился.

— Над чем вы смеваете! — спросил полицейский.

— Над прозрачностью этого господина. Маркс показал на оценщика.

— Объясните.

— Что ж тут объяснять! Моя жена принадлежит к роду герцога Аргайлей. Это серебро — ее приданое.

РАССКАЗЫ

— Месье, что у вас? — наконец услышал Маркс безжизненный, тихий голос.

Маркс положил на прилавок набор столового серебра. Старичок-оценщик медленно перебрал ложки, ножи, вилки, затем собрал все это вместе и, ни слова не сказав, сиречь, за низкий взнос неволь дворяно. Прошло почти четверть часа, пока он вернулся.

— Вам придется подождать, месье,— сказал он.— Ваш набор требует тщательной оценки. Текут минуты — десять, двадцать... Дверь с улицы распахнулась, вошел полицейский.

Оценщик кивнул головой в сторону Маркса:

— Прошу следовать за мной! — важно произнес полицейский.

— В чем дело? — удивился Маркс.

— Сейчас разберемся. Дайте! Публика ашумела. Раздался голос: «Кто бы мог подумать!», «Такая благородная внешность!», «Не верьте внешности!», «Какой у вас Маркс, полицейский и оценщик прошли через ту же коричневую дверь в небольшую, плохо освещенную комнату. На столе лежал

— Сличком молодой, неопытный человек! — не унимался оценщик.— Кто вам поверит, чтобы женщина из герцога рода ашумала замуж за какого-то публициста!

— Господи оценщик! — гневно прервал Маркс.— Через вашу руку проходит много, но все-таки мир несколько шире вашего ломбарда, и в нем есть место, о чем вы не имевте понятия...

— ...Я все же,— продолжал старичок, еще больше обозлившись,— я знаю, что фальшивое серебро, полученное в ломбарде. Да я уверяю вас...

Полицейский, видимо, оказался человеком неглупым. На него прозвонил впечатление спокойствие Маркса. Он лишь спросил адрес задержанного.

— Спросите у него все, господин оценщик, не забудьте только успокоиться оценщик,— почему он так бегает, если женат на аристократке?

В самом деле, господин Маркс, почему?

Маркс усмехнулся:

— Итак, месье, сколько я могу получить за столовое серебро герцога Аргайлей!

„Давай меняйся!“

Это было давно-давно, почти сто лет назад. Тогда в английской столице Лондоне жили малюкшей школьник Пит и великий ученый-революционер Карл Маркс. Однажды Маркс и Пит встретились и подружились.

Вот как это произошло.

Когда Питу исполнилось девять лет, его подарили ему перчаточный нож, замечательный нож с красивой костяной ручкой. Пит

очень гордился ножом, и многие мальчишки в школе ему завидовали. Нож составлял все богатство Питы, это было единственное, что давало ему превосходство над детьми богатых родителей. Их зависть приносила Питу некоторые утешение, вознаграждая за те обиды, которые он, самый бедный в классе, часто терпел от своих ровесников.

Так продолжались несколько

ней. Но однажды все перевернулось. Рыжий Фред, что сидел на первой парте у окна, как-то прищелкнул языком и сразу затрепетавшим слезу Пита: нож был с двумя лезвиями. Пит старался держаться так, будто ничего не произошло, хотя в душе понимал всю опасность происходящего. Но Пит был мумиевственным мальчком и решил так просто своей славы не уступать. Он начал усиленно упражнять за ножом, чистил его, поминутно протирал и почти каждый день клал. Приходя на уроки, он топал сверкающей нож на края парты и с замиранием сердца ждал, когда кто-нибудь поросится. И вот этот предмет, мальчишеской зависти. Пит рассказывал товарищам, будто его теперь такостри, что если бросить пушину и подставить под нее лезвие, то оно расщепит пушину надвое. Но почему-то никому даже не захотелось проверить эту отчаянную выдумку Пита. Как только начинался перемена, кто-нибудь обязательно подходил к Фреду и просил у него на минуту поддержать нож. Фред почти никогда не отказывал, иногда он

его глаза. Они были карие и такие добрые, такие веселые, что у мальчика от восторга нахлынувшего сладкого предчувствия екнуло сердце. Не доходя двух шагов до господина с бородой, Пит встал на его пути и вдруг выпалил: — Дядя Карл!

— И что же, останавившись, удивленно спросил господин.

— Видите ли, сэр...— смутился Пит.— Простите, сэр... У меня есть очень хороший нож, замечательный нож. И еще замечательный карману.— Ну, вот... Я хотел бы, если, конечно, вы не против, сэр, посмотреть ваш нож, и может быть, мы бы поменялись...

— А откуда тебе известно, что у меня есть нож?— едва сдерживая смех, спросил господин.

— Мне так кажется, сэр... — Тусси,— обратился господин к девочке,— смотри, какой странной мальчик! Ему кажется, что у меня есть нож!

— Да, это вода от прапа, прапа,— сказала девочка и прильнула головой к руке отца.

— Да, он прав. А ну, покажи

Рисунки А. Лурье.

и чуть-чуть поменьше. Но посмотрите, какой он острый, и теперь молчал, не зная, что ответить.

В тягостном молчании прошло несколько минут.

— Сэр, я вам все рассказываю,— наконец произнес Пит,— но пусть эта леди оставит нас.

Тусси отошла на несколько шагов в сторону.

Дядя Карл в свои большие смуглые руки худенькие, бледные ручки Пита.

— Итак, коммерсант...

Сбиваясь, захлебываясь, торопясь, мальчик рассказывал все о своей бедности, об обедах в школе, о тех нескольких днях всеобщего поклонения, которые ему принес именитный подарок отца, о рымьке Фреду, о своих долгах и безуспешных попытках заменить нож с двумя лезвиями...

Дядя Карл слушал, и внимательные карие глаза его сияли все печальнее и печальнее. Когда Пит умолк, он сказал, глядя куда-то в даль поверх головы ребенка:

— Ничего. Это будет не вечно. Придут и бедняки и другие радости.— Он тряхнул головой, словно желая прогнать тоску, и крикнул: — Тусси, иди сюда! Мы кончили наш разговор... Беря, Пит, мой нож, и вот тебе еще пенни.

— Нет, сэр, это было бы несправедливо. Ваш нож лучше. И я могу его взять только в том случае, если вы возьмете мой вместе с раковинкой.

— Ну, хорошо, беру, только без раковинки. Как уловился сначала.

Пит засунул в карман нож, зажав в кулаке пенни и сказал: — Эх, сэр, вы отказываетесь от такой раковинки. Послушайте, как она шумит... Может быть, вы позволите мне подарить ее маленькому леди!

— Ладно, если не жалко, дари.— Тусси приняла подарок и вежливо поклонилась.

— До свидания, коммерсант. Приходи сюда, на Мейфилд-парк-роуд, а близкие воскресенье. Будет вместе гулять.

— Непременно приходи!— ответил сместивший Пит.

Когда отец и дочь были уже далеко, Тусси обронила замечание: — Да все это стоившему Питу прутником, который так и остался у него в руках.

О ПАРКЕ

даже разрешал открывать и то и другое лезвие. Пит не подходил к Фреду.

Шли дни. Питом все сильнее овладевала мысль: во что бы то ни стало, он достанет себе с двумя лезвиями! Но где? Как? Деньги у Пита не было. Осталось одно — поманить. Но кто же будет менять нож с двумя лезвиями на нож с одним лезвием? Где найдешь такого дурака? Правда, Пит мог дать в приданье еще раковину, валяющуюся морскую раковину величиной с ладонь кулака, но все равно шансы были ничтожны, он это понимал. И все-таки делал одну попытку за другой. Всюду, кроме школы, при встрече со сверстниками Пит заводил разговор об обмене ножом. У многих были такие ножи, о каком мечтал Пит, но никто, конечно, не хотел отдавать свой нож в обмен на нож с одним лезвием, хотя и очень редко. А один из мальчишек коротко одетый мальчик, к которому Пит обратился на улице со своим вечным предложением, даже сказал, выпучив глаза: «Сэр, да вы просто жулик!»

Положение становилось отчаянным. И тут Пит пришла в голову идея: а что, если попробовать среди взрослых? Однако и от взрослых он ничего утешительного не добился. Взрослые, к которым, смущенно улыбаясь, подавая страх, подходил Пит, не слушали его, отмахивались, а некоторые, не разобравшись, а чем дело, принимали мальчишку за попрошайку и гнали от себя.

Однажды усталый и совершенно удрученный Пит возвращался домой по улице Мейфилд-парк-роуд, а на улице появилось огромное среднее дерево с широкой, чуть тронутой проседью бородой и величественной гривой уже почти совсем седых волос. Он держал за руку девочку, близклетельно одиноким с Питом и шел ему навстречу. Пит разглядел

своей ножи. Пстой, а как тебе завать?

— Пит,— все более смело, ответил мальчик.— А тебе?

— Карл Карл. Дядя Карл.

— А это что? Пит кивнул головой на девочку.

— Это моя дочь Тусси. Когда она вырастет, ее будет звать Эленорора.

Замыкаясь, все трое подошли к камешке и сели. Пит и дядя Карл вынули из карманов ножи и положили их рядом. Мальчик мигнул, не мигая, смотрел на чужой нож, потом наклонил голову и, чтобы никто не видел, закружил глаза, бросив открыт их: вдруг видение исчезнет! Это был именно такой нож, о каком он мечтал: с двумя лезвиями! Пит открыл глаза. Но дядя Карла лежал спокойно-преспокойно! Конечно,— подумал с тревогой мальчик, взглянув на владельца замечательного ножа,— он употребил в приданье не только раковину, но и еще что-нибудь, если вообще захочет со мной меняться.

Дядя Карл взял оба ножа, подбросил их на высоту, словно взвешивая, и уверенно сказал:

— Мой нож лучше.

У Пита остановилось дыхание. Чуть слышно он спросил:

— Простите, сэр, но чем?

Вопрос был хитрый. Ответ должен был показать, насколько хорошо дядя Карл разбирается в ножах, понимает ли он, каким сокровищем владеет, и можно ли с ним торговаться.

— Ну как же!— широко улынулся владелец ножа с двумя лезвиями.— Мой нож понавое да и побольше на целый дюйм.

Но слова о длине лезвия! Пит влюбленным глазами посмотрел на дядю Карла. Его взгляд говорил: «Милый дядя! Ты ничего, ничего не понимаешь!»

— Конечно, я сказал, он, едва сдерживая пробравшуюся в глаза радость,— мой нож не так нов

На съемках в Царицыно. Елена Стахова — Ирина Милопольская, Дмитрий Исаров — артист Софийского народного театра Любомир Кабачкиев.

Фото И. Стин и А. Фирсова.

Когда в просмотром зале погас свет, Ирина отчетливо услышала стук своего сердца. Она поглядела по сторонам. Нет, кажется, ее волнения никто не заметил. На экране зачернили слова: «Накануне», проба актеров, Елена — И. Милопольская.

И вот бегут кадры. Подперев руками голову, сидит девушка. Блед-

ное лицо, крепко сжатый рот. Русые волосы низко спускаются на тонкую шею. Серые глаза смотрят беспокойно. Она начинает говорить. Голос тих и неровен.

«Неужели это я?» Жгучее тепло заливает Иринуя щеки. Какой беспомощной она кажется сама себе! Разве так нужно читать этот монолог? Девушка уже готовилась услышать приговор режиссера. Но он сказал: «Поравнялось, будем пробовать дальше...»

Это было неожиданно. Впрочем, не большей, чем само приглашение ей, студентке 2-го курса 1-го Московского медицинского института, принять участие в кинопробах на студии «Мосфильм».

Ирина Милопольская никогда не думала о профессии актрисы. Она готовилась к очередному экзамену в институте, когда ее встретила на улице Горького ассистент режиссера Евгения Рыбачев.

Киностудия «Мосфильм» совместно с болгарской студией «Софияфильм» начинала подготовку к

съемкам советско-болгарского художественного фильма «Накануне» по одноименному роману И. С. Тургенева. К созданию картины были привлечены виднейшие мастера советского кино и болгарские киноработники. Сценарий написали народный артист СССР В. Петров и болгарский писатель О. Василев. Исполнить роли в фильме приглашены народные артисты СССР О. Н. Андроскую, Б. Н. Ливанова, М. М. Яншина. И только на роль главной героини Елены Стаховой долго не могли подобрать исполнительницу.

Ирина Милопольская поразила встретившую ее Е. Рыбачев удивительным внешним соответствием облику тургеневской Елены. Даже возраст их совпал. Елене было двадцать, Ирине шел двадцатый год.

Но сможет ли студентка медицинского института, ни разу в жизни не выходявшая даже на школьную сцену, воссоздать на экране психологически сложный образ героини

тургеневского романа? Потрянувшись напряженной работой. С каждой новой репетицией В. Петров проникался все большей верой в актрисе возможности Милопольской: отсутствие профессиональной техники полностью искупалось непосредственностью, тонкой впечатлительностью и несомненным природным дарованием.

В эти дни девушка подверглась серьезному испытанию. Кто-то уже начал советовать ей оставить медицинский институт и поступить в театральный вуз. Но она не захотела расстаться со своей мечтой быть врачом. Это не помешало Милопольской на год стать актрисой. Нелегко было, покинув близкий студенческий мир — аудитории, библиотеки, клинику — привыкнуть к новому делу. Раньше Ирина думала, что для актера самое важное — вдохновение. Теперь она узнала, что, кроме него, нужно много трудиться.

Ирина вновь в вновь вчитывалась в строки тургеневского рома-

В ГЛАВНОЙ РОЛИ —

Ирина рассказывает товарищам о том, как создавался фильм.

Кадр из фильма.

Волнующий человеческий документ

АЛАНЧЕ
ЧЕРНИ

ОМ СЕМЬ СЫНОВЕЙ

Года четыре назад на улицах Москвы можно было встретить старого, но еще крепкого человека, на груди которого блистали семь медалей «За военные заслуги» и золотая в форме пятиконечной звезды, гарибальдийская медаль — высшая награда командования итальянского национально-освободительного движения. То был гостивший в Советском Союзе народный герой Италии восьмидесятилетний крестьянин Альчиде Черни. О подвиге и трагической судьбе семьи Черни в свое время много писали, однако особый интерес представляют воспоминания самого Альчиде.

«Мои семь сыновей» — так называется его небольшая книга, недавно выпущенная вторым изданием в «Молодой гвардии».

...Семь сыновей Альчиде Черни, младшему из которых было двадцать два года, а старшему — сорок два, попали в руки чернорубашечников 12 декабря утром 1943 года фашисты вывели их из тюремной камеры и расстреляли.

В борьбе с фашизмом семь братьев отдала жизнь. Вместе с сыновьями шел и отец на трудному, но святошему верному пути борьбы. Старого Черни не сломала судьба, он не согласился под бременем личного несчастья.

Заволновано говорит отец о среднем сыне, Алло, — о том, «кто был в семье головой». Еще до прихода Муссолини к власти Алло более двух лет просидел в тюрьме за антифашистскую пропаганду. Вернувшись из заключения, он собрал всю семью и вдохновенно изложил свои мысли.

«В тот вечер», — пишет Альчиде Черни, — «мы поняли, что отныне мы не просто крестьянская семья, что теперь мы будем работать не только в поле. Мы пойдем с теми людьми, о которых рассказал Алло, и будем работать для Италии и для итальянцев, чтобы покончить с фашизмом и несправедливостью».

...1943 год. Возглавляемая итальянскими коммунистами трехсоттысячная армия партизан борется с чернорубашечниками и гитлеровскими захватчиками. В ее первых рядах — дружная семья Черни. В те дни дом Черни был превращен в штаб-квартиру местных партизан и бежавших из плена солдат союзнических армий. Плечом к плечу с братьями сражалась и горстка советских воинов. Не раз, пренебрегая смертельной опасностью, отец и сыновья Черни спасали их от гитлеровцев.

Трагические картины оживают в памяти старого Альчиде. Около двухсот фашистов напали на дом Черни. Мужчины отстреливались через щели между ставнями. Женщины подавали патроны. Но уже нечем стрелять, чернорубашечники подожди дом... Чтoby спасти жен и детей, мужчины вынуждены сдаться. Описанные сражения и последовавшего затем прощания заняло всего два страшных, но как потрясает оно! Потом тюрьма, пытки... С братьями вместе и отец. Как-то под утро Альчиде Черни разлучили с сыновьями. Куда же их увезли? Альчиде гонит прочь жуткое предположение, говорит себе: «Наверное, на судейный процесс. Во время Черни разлучили с сыновьями. Он дома. Огибели всех его сыновей здесь уже знают. Опасаясь за жизнь старика, женщины в течение многих дней скрывают от него страшную истину».

В своей книге Альчиде Черни обращается к итальянским трудовым семьям, призывает их к тому, чтобы они поняли причины безотрадности своего существования и объединились в борьбе против реакции. Гневно клеймит Черни американских империалистов. Вспоминая беззаветную борьбу сыновей, он спрашивает: «А, что мы получили в благодарности за все это? Американцы по сей день поддерживают тех, кто ярял поджигал наш дом, кто разрывал нашу семью. Это они, американцы, глядят по сторонам и поощряют тех, кто преследует коммунистов, партию моих сыновей».

Книга Альчиде Черни принадлежит к числу тех документов, которые глубоко волнуют не только трагедию ситуации, но и своей жизнеутверждающей силой. Автор полон безграничной веры в народ, в его решимость и способность завоевать себе новую жизнь.

Книге предисловию проинковерные строки Пальмиро Тольятти, Генеральный секретарь Компартии Италии благодарит Альчиде Черни, находящегося в первом рядах рабочего движения, за то, отдав делу свободы самое дорогое в жизни, он принес людям еще один дар: рассказал о борьбе и подвиге своих бесстрашных сыновей.

Слово глубокой признательности «спасает Черни», как ласково и почтительно называют его миллионы итальянцев, скажет и советский читатель.

Г. МАРУТОВ

БУДУЩИЙ ВРАЧ

на. Ее по-настоящему волновал образ русской девушки, беззаветно любившей болгарина Исаарова, борца за освобождение своего народа. Но как достичь это творческое волнение до зрителя? Ведь у Милопольской не было не только актерского, но и обыкновенного жизненного опыта — незаменимого помощника артиста в его работе над ролью. Ей помогали советом товарищи, режиссер В. Петров. В соответствии со своим творческим замыслом он подкачивал молодой актрисе, как решить ту или иную сцену. Порой режиссер не давал Ирине никаких заданий, а предлагал: «Делай так, как подсказывают тебе твои двадцать лет. И часто он оставался доволен ее решением.

В кино один и тот же кадр снимается обыкновенно несколько раз, делается, как говорит кинематографисты, несколько «дублей». Исполнение актера должно удовлетворять режиссера, оператора, звукорежиссера. В каждый «дубль» ак-

тер, как правило, приносит что-то новое. И всегда ему кажется, что следующий он смог бы сыграть еще лучше. Не раз так случалось и с Ириной. Все сходилось на том, что сцена получалась неплохо, а она с мольбой в голос просила: «Пожалуйста, еще дубль...»

И, кто знает, может, это самые лучшие кадры Милопольской в картине... Кинофильм «Наказание» выходит на экраны. Год напряженной работы позади. Все это время Ирина Милопольская ощущала дружеское участие многих советских людей. Она получала письма от воинов Советской Армии, студентов, врачей. Последних, конечно, особенно интересовало, вернется ли Ирина в медицинский институт. Им будет приятно узнать, что девушка снова надеет белый халат. «Профессия врача — самая благородная на земле, и я постараюсь быть достойной ее», — говорит Ирина.

Ал. ПИН

Фото В. Гребнева.

На ринге—молодость

Михаил АЛЕКСАНДРОВ

— В правом углу олимпийский чемпион Владимир Сафронов, — прозвучал голос из радиопуопа. Трубуны загудели. Чемпион, придерживаясь за канат, поклонился. Борис Никаноров краем глаза видел его спокойное лицо. Оно казалось добрым. «Уверен в себе», — решил Борис. Он пытался вызвать в себе злость к противнику, но она не приходила... «Плохо», — подумал он.

Когда в приветствии они столкнулись порочном, Борис встретился взглядом с чемпионом. Сафронов едва заметно улыбнулся. Да, он был уверен и спокоен.

— Бой!

Они быстро пошли на сближение. Первые удары в паркет. Обманный финт чемпиона, но Борис зорок. Он знает этот короткий прямой удар левой и затем завершающий — правой. Быстро передвигаясь, чемпион пытается серий ударов пробить защиту молодого боксера. Но тут же едва успевае отклониться от резкого удара справа. Атака прервана. Никаноров идет в наступление... Трубуны гудят. Любителям бокса симпатичен этот паренек, не обравший перед олимпийским чемпионом. Двое молодых ребят так зарывались бою, что им невозможно не почувствовать. Для них Никаноров свой, с завода. Давно ли они проводили с «Красного пролетария» на учебу

в механический техникум своего приятеля-электрика? И вот он на большом ринге. Идет чемпионат страны. Надо же так, что в самом начале соревнований молодому боксеру выпал жребий встретиться с Владимиром Сафроновым — мастером из мастеров. А правила суровы: проиграл — и сиди на трибуны, смотри, как будут воевать за победу соперники-товарищи...

А может, это и лучше, что сразу такое испытание? В минутном передреве Борис слышит знакомый и сейчас особенно спокойный голос тренера:

— Хорошо. Только внимание и внимание...

В противоположном углу, облокотясь на канаты, отдыхает Сафронов. Его взгляд стал историческим, или как бы говорят: «А с тобой нелегко...»

— Слова финт. И снова тонкая, стремительная борьба замеслов...

— Настоящий бокс, — с ноткой уважения шепчет соседу почтенный завсегдатай боксерских матчей, — вот так-то в свое время Градополов...

Сосед молча кивает головой. Сейчас не до воспоминаний. Даже судьи за столками наклонились вперед: улыбочки, наверно, а их улыбка не просто...

Атакует Сафронов. Он опытен, мужествен, решителен. Что он задумал? Вот он теснит соперника к

канатам умышленно, быстрым маневрами. Конечно, у канатов последует целая серия точных, быстрых ударов сбоку, снизу и завершающий — справа. Борис вырвал под удар, еще обманный финт, затем крик левой, встречный прямой, и чемпиону в углу. Ему приходится обороняться: Хорошо подготовленные соперники наступление Никанорова обернули в свою пользу. Нет, он не поверил в этот демонстрационный удар левой, завязывающий атаку. Не открыл неосторожно защиты от правого. Опередил противника встречным ударом, скользя на простор ринга и нанес второй и третий с дальней дистанции.

Рябятса «Красного пролетария» кричали что-то невнятное.

...Говорник окончен. Немного медлят с решением строгие судьи, поседевшие ветераны советского ринга. Нелегко в этом умном, сложном, как математическая формула, бою сразу назвать того, кто одержал верх.

— Победил Борис Никаноров!

А через день снова ринг. В огромном Дворце спорта — полуфинальные встречи.

На ринге сменяется пара за парой. Рефери уже поднимал руку маленького, настоящего боксера Владимира Ботвинника, а вслед за ним — руку казаха, мастера из далекой Алма-Аты, Махмута Омарова. Стало известно, кто из боксеров легчайшего веса встретится в финале...

Определен возможный соперник и в решающей встрече в третьем по счету полулегком весе. Это боксер из Грузии Давид Квантлиани. Возможный соперник... Но чей? Это должен решить матч между москвичом Борисом Никаноровым и ереванским мастером Михаилом Палазюком. Ереванец не новичок в боксе, он опасен своей манерой волевого, упорного наступления в сочетании с цепкой защитой.

Каждый бой — новая тактическая задача. Но во всех случаях мастер ринга должен оставаться «самым собой» в бою, поднимать соперника своей манере ведения боя. Об этом напоминают пе-

ред встречей с Михаилом Палазюком тренер Александр Чеботарев своему воспитаннику. Борис понимает Ему это ясно. Но что происходит на ринге? Все замечает из ринга и ринга москвич, как говорится, тервет свое лицо. Он возбужден, тороплив. Он не понимает, как это ему, победителю олимпийского чемпиона, кто-то может навязывать свою тактику!.. Да он готов побить соперника его же оружием: пожалуйста, темп так темп, ближний бой — согласен!.. Он светится, куда делась точность, мысль, зоркость в бою... Тренер в углу напустился: «Мальчишка!.. Что он там творит!» В публике смехи:

— Вот это драка!

Синяки окончатся встречи застал боксера на середине ринга в крепком объятии. Сил уже нет...

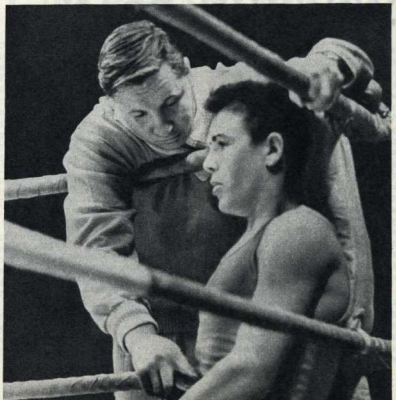
Борис вырнула молодость. Только она. Ну и пошло же хандитю в чемпионы от тренера в раздевалке!

Финал. Зал полон. Трибуны то гулом, то громом аплодисментов отмечают приретины борьбы. На ринге финалисты в полулегком весе Давид Квантлиани и Борис Никаноров. Мят темпераментный, напряженный, но уже с первого раунда ясно: «хозяин» в этой встрече — москвич. Он сосредоточен, внутренне собран, зорок. Пошел на пользу вращений суровой урок. Сохраняя выгодную для себя дальнюю дистанцию, он все видит, понимает, предугадывает. Нет, он не ждет, когда соперник предпримет энергичные действия. Он сам ведет бой, проводит, легко скользя за ринги, удар за ударом...

Зритель понимает: вот они, черты настоящей спортивной культуры, к которой обязывает высокое звание — мастер спорта СССР.

— Когда закончатся бой, рефери поднимает руку Бориса Никанорова.

Борис вызвае на пьедестал. Он стоит, безмерно счастливый, сияющая в руках маленькую коробку с золотой медалью. Он идет глазами своего тренера, наставника, друга, чтобы сказать: «Нам бы тут надо рхотать».

ЦИРКОВАЯ ЗВЕЗДА

Арена цирка превращается в уголок тропической страны. Среди бамбуковых деревьев, пышных кустов разгуливают мускусные австралийские утки, аисты, цапли. В бассейне раскинуты проходы. С шумом распеваемая вода, куда же падает бегемот. По требованию дрессировщика он возвращается на берег, поплывет, встанет, ходит по барьеру, огораживающему манеж, катается на качелях, исполняет зрительм, разевает чудовищную пасть с огромными клыками и мирно кладет голову на плечо человеку. Это Манук дрессированный бегемот артиста Степана Исаяна. Как же пошло это эхотическое животное на арену цирка? Местной цирковой артист Исаян задумал рисковать и трудной номер не столько над бегемотом доставил из далекой Дрездена. На беду, это был не детеныш, как необходимо дрессировщику, а взрослый бегемот со сложившимся характером. И характер у него оказался плохим. С жесткостью, неумолимой для подругаторной туши, бегемот бросался на человека при малейшей попытке того приблизиться. Для Манука, так назвали нового «артиста» («манук» — по-армянски «малыш»), выстроили из толстых, крепких бревен клетку. В первый же день бегемот ранен ее в шпиль. Во всех помещениях, куда его вводили, он неизменно вылазил она и двери. Пришлось со-

трудит женщине своей архитектуры — с высшими стенами, без дверей. Дрессировщик слушался и сообразу спланировку с крыши. Каждый день все цирковые и цирковые. Бегемота надо было приучить к ирригации обстановке, атмосфере выступления. Манук не терпел музыки. Возле него поставили приемник, и целый день он слушал радио-передачи. Потом поставили ридер, чтобы манук получал ритмически выстроенный звук. Манук стал принимать к оркестру и в алодисментам... Настойчивость молодого дрессировщика иллюстрирует такой факт. Как только бегемот надел на костьм сачоюного витая, Манук превращал его ушивать и отказывался выполнять задания. Потребовались ежедневные репетиции в течение двух лет, прежде чем бегемот привык к передаче светом хозяина. Самым трудным делом было покорить «бегемота» методом. Как заставить бегемота подчиниться человеку? Вит дрессировщика тут был полезен: ведь Манук не реагирует даже и удар отяжелой по голове! Наиболее мощным средством воздействия оказалась человеческий голос, равнообразно его интонация, выражающих ласку, одобрение, гнев... Идет репетиция. Манук ныряет и выныривает, выныривает торчат только поднятые вверх огромные уши. Циркуант радостно командует.

Манук превращается. — Разве это ирригация? — умирно бегемот дрессировки, и бегемот старательно повторяет замечание. Домой! — приглашает Исаян. Стрижка с груною туалету воду, бегемот поднимается на манеж. Манук укоряет шаг... Бегемот запоминает интонации команды, особенно поощрительные ласкомом, и подчиняется им. Сейчас Степан Исаян с группой зоотехников дрессированных животных выстукает по многим городам Советского Союза. Он продолжает поименно новых артистов среди носорогов, слонов, верблюдов, гитакских львов и других животных, которых еще не выходящих на цирковую арену. А. КИРИЧЕНКО

Заметно убавил светлые дни, часто идут сильные дожди, нависают тучи. В лесу часто пахнет грибной сыростью. Сентябрь. Этот месяц как бы повторяет весну. Распушается поздне осень. Иногда, хотя и редко, можно увидеть даже подснежники. Красивые деревья. То тут, то там встречаются филоботые, пурпурные, оранжевые краски. Ярко выделяется в рядках полоток кудрей белая береза. Досажено поступающе неутомимая труженица ле-

са — малый пестрый дятло. В любую погоду он не прекращает свою работу. Звонко перебиваются синицы. Облетают клыки, грабли. Этот год птицы выжили хуже, в ясную, тихую погоду угодил в свои клыки выжили пары створцов. Осенняя пестряца выжила в этот год слабее весеней. В ней слышатся грустные ноты прощания с родными местами. И. КАМОРНИКОВ

Кроссворд

Составил П. Трусев (гор. Феодосия).

По горизонтали:

3. Ставер, поставивший в годы первых пятилеток мировой рекорд своим ствлом.
6. Ценный радиоактивный элемент.
7. Радиоактивный элемент дрегнергетического скандор.
9. Город, в котором учился Ленин.
13. Центр провинции на севере Италии.
15. Современный болгарский писатель.
20. Рассказ А. П. Чехова.
21. Город в Алтайском крае.
22. Ода А. С. Пушкина.
23. Словный материал, вычленившийся из твации, пропранной синтетической смолой.
26. Автор текста «Интернационала».
27. Рода, на берегах которой расположена Бразилия.
28. Центральный орган итальянской коммунистической партии.
32. Сатирическая повесть А. С. Дюгровьянского.
33. Спичечный станок с установное оборудование, конструкция, выданная 36. Автор итальянский мыслитель, материалист и атент В.И. Ленина.

По вертикали:

1. Советский химик, академик. Составитель Большого театра, популярная исполнительница русских народных песни.
4. Осветительная аппаратура у переднего борта судна.
5. Оптическое стекло со сферическим поверхностью.
8. Город в Ивановской области, основанный в первой пятилетке.
10. Нартия и Н. Крымовского.
11. Морская мера длины.
12. Повесть А. М. Белкина о неосомолях Украины.
16. Советский летчик, спасавший в Антарктиде белгийских полярников.
17. Ранний расцвет М. Горького.
18. Лексартственная твация.
19. Инженер-проектировщик методов труда среди комбайнеров.
25. Выдающийся русский скульптор XV—XVI веков.
30. Химический элемент, лавант.

Вильгельм Тельк — Вот это точность!

Рисунок Ю. Черепанова.

Если бы...

Если бы в атмосфере Земли озоном не образовывалась озоновая дыра, то на нашей планете не было бы жизни. Озоновый слой поглощает избыток Солнца ультрафиолетовые лучи, убивающие все живое.

Если бы растала ледяной покров оюного только Антарктиды, остывающий местами трех километров, то уровень Мирового океана поднялся бы на 15—20 метров, затопил многие страны мира. Если же оолобить оюю, самоксерированию в вечных снегах и ледниках, занимающих десятую часть суши, то уровень морей и океанов повысился бы на 55 метров.

Жук-носорог сбивает тяжесть, превышающую вес его тела в 113 раз, а маленький жук, весящий 1/30 грамма, толкает комком земли в сотни раз больше собственного веса. Если бы человек обладал пропорциональной силой, то он мог бы перевезти тяжести до 10 тонн.

Первая страница обложки: коллектор Тамара Варфаламова и техник-геолог Александр Готчиенко (см. текст на стр. 7). Фото В. Сакма. Четвертая страница обложки: «С трамплина». Фото В. Тюкеев.

Зам. главного редактора И. Г. Зонов.

Оформление Я. Мирошниченко.

Рукописи не возвращаются.

Редакторы: Г. Гуляев, Е. Долматовский, Н. Жуков, М. Лукин.

Технический редактор О. Шовина.

Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Янсона поля, 28. Телефоны: Секретариат — Д. 3-34-24. Отделы — рабочий молодежи, литературы и искусства — Д. 3-31-63, студийской молодежи — Д. 3-35-54. Очерки и публицистика, фотодружбу, оформление, иллюстрации — Д. 3-34-22.

А 08430. Подписано к печати 1/Х 1959 г. Тираж 450 000 экз. Над № 1533. Заказ № 2075. Формат бумаги 70x108 1/8. 1,75 бум. л.—4,8 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ИСПЫТАННОЕ ОРУЖИЕ

В 1919 году москвичи по долгу проставали возле витрин на Тверской улице, где были выставлены первые «Она РОСТА», зававшие на беду с Дениными, с голодом, разрухой.

Тогда в РОСТА работала Владимир Владимирович Маяковский. Он рисовал, создавал стихотворные подлисы — энергичные, смелые, злободневные. Маяковский гордился своей работой. Поэт утверждал, что плакаты РОСТА — это «протоколная запись труднейшего трехлетия революционной борьбы, переданная лэтакими краской и звоном лозунгов».

Во время голода в Петербурге в 1921 году, художник Д. Моор создал плакат, получивший мировую известность. Христианин судорожно сжимает в руке единственный колосок... И короткая надпись: «Помогите». А через четверть века мастерская «Агитпланета» выпустила работу В. Брискина и К. Иванова, тоже призывающую на помощь. Но надпись была уже не почерченной от голода горемыка-христианин, а улыбающийся здоровый утопающий в море золотистой пшеницы. «Борозды пшеницы, помоги убрать урожай с целины!» — гласит подпись рисунку.

Кто не помнит плакатов периода Великой Отечественной войны! Вместе с оружием и боеприпасами их доставляли на фронт, и плакаты были жизненно, смело расклеивали плакаты в гитлеровском тылу, веля в сердца веру в победу.

Сейчас в мастерской «Агитпланета» активно работают художники В. Брискин, К. Иванов, Н. Денисовский, В. Говорнов, В. Конавлов, В. Фоминев, поэты А. Базылевский, С. Васильев, С. Миславов, Е. Долматовский, А. Жаров, М. Маргуловский, Л. Ошанин, М. Пустынин и другие. Стихов и рисунков они пропалагандируют, семилетку, рассказывают о героих борьбы за коммунизм, о трудовых подвигах советских людей. А то, что досталось нам в наследство от старого мира — все негодное, отживающее, наравте грозные «оружие смеха». Рабочие автозавода имени Лихачева, посетившие выставку «Агитпланета» написали в книге отзывов: «С большими удовольствиями смортели карикатуры на различную плесень, отравляющую еще нашу жизнь и не дающую нормально жить, работать, отдыхать».

Главное в плакате — действительность, злободневность. Художники и поэты-сатирики смело вторгаются в жизнь, зорко подмечая угнетения, недостатки, беря «на прищип карандаша» бюрократов и нерадивых.

За три года коллектив мастерской выпустил около 450 плакатов. Они распространяются на предприятиях, в парках культуры, в рабочих клубах — по всей огромной стране.

И. АМСКИЙ

ВОСПИТАНИЕ И НАКАЗАНИЕ.

1. ПТЕНЦА В СЕМЬЕ
ЛЮБИЛИ ОЧЕНЬ.
ПЕКЛИСЬ О НЕМ
И ДНИ И НОЧИ.

2. ДЛЯ МАТЕРИ
И ДЛЯ ОТЦА
ЗАКОНОМ СТАЛ
НАПРИЗ ПТЕНЦА.

3. ЕМУ НА ВЫЛЕТ
В РЕСТОРАН
ОТКРЫТ
РОДИТЕЛЕЙ КАРМАН.

4. ОНИ ЛИКУЮТ:
НАКОНЕЦ
РАСПРАВИЛ КРЫЛЬЯ
ИХ ПТЕНЦА!

ЭВСПОРХНУЛ СЫНОК
И БЫЛ ТАКОВ:
ЗАБЫЛ
СВОЮ ОН СТАРИКУ

Художник В. Брискин
Стихи Ю. Островского и
Ф. Юрченко

Цена номера
2 руб.

